

Музей алтайского марала

Н. А. Фролов

**История
мараловодства
Теньги**

Бийск — 2019

УДК 636.294
ББК 5.03(2Рос-Алт)52
Ф912

Фролов, Н. А.
Ф912 История мараловодства Теньги [Текст] / Н. А. Фролов. —
Бийск : Музей алтайского марала, 2019. — 56 с. : ил.

На основе архивных документов и литературных источников излагается история развития пантового оленеводства в районе с. Теньга: от появления маральника зайсанов Кульджиных до одного из лучших мараловодческих хозяйств современного Алтая — СПК Племзавод «Теньгинский». Книга знакомит читателей с существующей очевидной связью поколений Алтая, обеспечивающей настоящее и будущее нашей малой родины.

Издание рассчитано на историков, краеведов, специалистов-мараловодов и всех, кто интересуется прошлым и настоящим Алтая.

УДК 636.294
ББК 5.03(2Рос-Алт)52

От автора

С Владимиром Георгиевичем Шадриним мы знакомы около 20 лет: здороваемся на совещаниях, разговариваем «на ходу», но чаще всего я консультируюсь у него по телефону и делюсь новостями по Теньге, когда нахожу что-то новое в архивах. Достаточно давно он спросил меня о том, почему я не хочу написать о мараловодстве в СПК Племзавод «Теньгинский», но мне в голову все как-то не приходила сюжетная линия, да и самого материала не хватало для начала работы. Однако в ходе создания очерка о мараловедах Головиных у меня, наконец, пришло понимание, как может выглядеть будущий материал, и, созвонившись, я рано утром 2 августа 2018 года поехал на встречу с В. Г. Шадриним в село Теньга. По дороге вспоминал, что мне известно об этих местах в Горном Алтае.

1. ПОЯВЛЕНИЕ МАРАЛОВОДСТВА В ТЕНЬГЕ

По материалам переписи 1928 года в Сибирском крае считается, что поселение Теньга (Кеньга) возникло в Горном Алтае в 1856 году, однако это очень спорно. Слово «теньга» по-алтайски означает «широкий», «просторный». Естественно, что в этой очень удобной для скотоводства местности издавна кочевали коренные алтайские народы, но именно кочевали... В XIX веке коренное население Горного Алтая было разбито на дючины (волости), и в районе Теньги находились зайсаны сразу трех дючин: 5, 6 и 7-й. Видимо, места хватало всем.

К середине XIX века Горный Алтай «правдами и неправдами», но достаточно активно заселялся русскими переселенцами. К 1865 году в Алтайском округе, куда входила территория Горного Алтая, скопилось 4 368 самовольно заселившихся крестьян, которые уже по несколько лет проживали в селениях, но были «непричисленными» и поэтому не платили никаких податей. С 1865 по 1876 год в Алтайском округе постепенно сформировалась «переселенческая политика», вполне открытая для дальнейшего освоения Алтая земледельцами России. Большинство незаконных переселенцев до 1877 года приписали к селениям, в которых они проживали, и наделили землей.

Растущий поток переселенцев на Алтай заставил руководство Томской губернии подготовить проект по заселению калмыцких (алтайских) стойбищ. Генерал-губернатор Н. Г. Казнаков писал в Министерство внутренних дел: «Переселенцы, живущие заимками на калмыцких землях Бийского округа, и крестьяне степной части Бийского округа, стесненные малоземельем, просят его разрешения на поселение на калмыцких землях. По ст. 851 т. IX, заселять земли эти нельзя, а можно только брать в оброк у инородцев. Между тем, инородцев всего около 15 000 д.м.п. проживает на 109 000 кв. верст, ведут скотоводство, ненадежное, ввиду нежелания заготавливать сено, не развиты, питаются падалью и, если оставить их без приселения русскими, то они никогда не перейдут к более культурной жизни. Доход правительству от них выражается всего только в 8 000 рублей в год. 100 лет назад река Бия считалась границей, переход за которую наказывался. Но граница эта давно забыта. В 1824 году образована за Бией Алтайская волость и после — Ануйская. Высочайшим Указом 22 июля 1822 года разрешено распространять горный промысел до китайской границы, без стеснения ясачных инородцев» [41].

Министерство Императорского Двора согласилось с этими доводами. Томским Губернатором и Начальником Алтайского округа были определены 26 мест для заселения русскими, в том числе Теньга. С 1865 по 1884 год в 26 новых сельских обществах Бийского уезда заселилось 6 343 «души». Заселение Горного Алтая русскими переселенцами почти всегда сопровождалось притеснениями коренного народа.

Исследователь Алтая С. П. Швецов в 1900 году писал, что переселенческий поселок на реке Кеньге (Теньге) «не образовывался до сих пор (22 года. — *Н. Ф.*) исключительно благодаря сопротивлению, которое встретили здесь переселенцы». Переселенческий поселок в Теньгинском родовом управлении трех алтайских дючин крестьяне почему-то через два года бросали и уезжали в другие места. Крестьяне из поселка Туекта, по словам С. П. Швецова, утверждали, что их выживали калмыки, затапывая табунами посева [38, с. 190]. Правда, В. И. Верещагин в 1907 году отмечал: «В Теньге хлебопашество невозможно. Родятся только картофель, редька и редиска» [4, с. 18]. Однако, по моему мнению, более точными в причинах были талдинцы. Тот же В. И. Верещагин сообщал, что Теньга расположена на берегу реки Урсулы, близ устья реки Теньги, и состоит из дома писаря, избы ямщика и хорошего дома местного богача инородца Аргымай Кульджина, которому принадлежат громадные стада скота и целые табуны лошадей. Имея прекрасный дом, Аргымай Кульджин живет в обыкновенной юрте, стоящей рядом с домом [4, с. 17]. Около Теньги, по словам В. И. Верещагина, кочевал и старший брат Аргымай — Манжи (Манди) Кульджин.

С. П. Швецов написал в 1900 году: «У этих Кульджиных 3 табунишка, пасущие всех лошадей вместе, 9 пастухов для быков — в каждом стаде до 100 голов, каждое стадо пасется отдельно; кроме того, часть скота пасется еще под наблюдением самих хозяев» [4, с. 349]. Такая концентрация в Теньге богатых алтайцев, объединенных семейными узами, наделенных властью и капиталом умных людей, позволяла долго и успешно бороться с русскими поселенцами.

Бийский исправник В. Штейнфельд в своем обзоре уезда в 1910 году отмечал: «Долина Теньги и ее продолжение — долина Урсула носит уже совершенно степной характер и принадлежит к категории горных степей, столь характерных для Алтая. Здесь находится Управление 5, 6 и 7-й алтайских дючин. Теньга представляет из себя центр калмыцких стойбищ и потому здесь бываю народные съезды, на которые собираются алтайцы со всех окрестных местностей. Инородцы этих дючин ведут кочевой образ жизни и не живут селениями или группами айлов (юрт), а отдельными семьями рассеяны по Алтаю; площадь, занимаемая дючинами, не определена, но число причисленных к этим дючинам инородцев достигает 6 561, которые имеют 1 498 айлов. Селение Теньга состоит из дома ямщика, здания родового Управления и хорошего дома местного богача инородца Аргамая Кульджина, которому принадлежат громадные стада скота и табуны лошадей» [42, с. 107].

В «Списке населенных мест Томской губернии» на 1 января 1911 года в «станции Теньга» было всего четыре двора (молитвенный дом, миссио-

нерская школа, резиденция Управления родовых старост 5, 6 и 7-й алтайских дючин) и 16 человек жителей.

Из этого описания даже в 1910 году Теньгу очень трудно назвать поселением, скорее это была своеобразная резиденция Кульджиных. Не зря православные миссионеры отмечали в своем ежегодном отчете Алтайской духовной миссии за 1909 год: «И не найдете вы на Алтае ни одного богатого калмыка, живущего совместно с кем-либо. Всегда он один занимает огромную площадь земли и, если около его юрты ютятся еще чьи-либо жилища, то это жилища пастухов, безответных рабов богатей» [26].

В 2012–2014 годах, работая над книгой «У истоков пантового оленеводства России», я долго искал в Государственном архиве Алтайского края фамилии мараловодов-крестьян в материалах сельскохозяйственной переписи 1917 года и наткнулся на переписной лист Аргымая Кульджина из урочища Теньга. У него было огромное хозяйство, однако не было в переписном листе маралов. Тем не менее я почему-то записал тогда его в мараловоды. Теперь, в 2018 году, я убедился, что интуиция меня не подвела.

Известный исследователь мараловодства на Алтае А. А. Силантьев по итогам командировки летом 1897 года записал, что после Шебалино и Онгудая по пути на Катанду из-за высокой воды экспедиции пришлось продвигаться на Усть-Теньгу, а оттуда на реку Каэрлык, приток реки Урсулы, место жительства известного зайсана Манжи Кульджина, владельца расположенного там большого маральника: «Мы так и сделали. Прибыв к Манжи Кульджину 4-го июля вечером, утром следующего дня мы занимались съемкой рог и фотографированием в маральнике...» [36, с. 91].

В 1900 году, по данным С. П. Швецова, в Горном Алтае содержалось «зарегистрированных маралов 784, в том числе 141 теленок и 643 взрослых-рогачей и маток» (табл. 1).

Таблица 1

Содержание маралов в Горном Алтае в 1900 году,
по С. П. Швецову [38, с. 335]

№ п/п	Категория населения	Поголовье оленей	
		количество взрослых маралов	количество молодых маралов (телят)
1.	Оседлые инородцы	381	72
2.	Крестьяне, мещане и прочие сословия	213	51
3.	Алтайцы «калмыки»	49	18

Из 784 маралов только 8,5 % находилось в собственности у коренных алтайцев. Кто же были эти мараловоды-алтайцы? С. П. Швецов пишет, что один маральник на реке Каерлык принадлежал братьям Аргымаю и Манжи Кульджиным, у которых на то время было 27 взрослых и 7 молодых маралов. Еще 14 взрослых и 4 молодых оленя находились в маральнике на реке Тундур у Чегурака. У Семена Юлупова в Б. Улагане было 15 маралов, в том числе восемь взрослых, и один марал был у Тюхтеня [38, с. 335].

Следовательно, в 1900 году у Кульджиных в собственности находилось 52 % стада пантовых оленей, принадлежащих мараловодам-алтайцам. Это обязывает меня рассказать несколько подробнее об этих личностях.

2. МАНЖИ И АРГЫМАЙ КУЛЬДЖИНЫ

О братьях Кульджиных (Кульджиновых) упоминается в литературе довольно часто. У известного писателя и проектировщика Чуйского тракта В. Я. Шишкова в «Чуйских былях» (1914) Аргымай Кульджин описывается умным и деятельным алтайцем, стремящимся к расширению своего хозяйства [40]. У И. И. Белекова уже в наши дни Аргымай Кульджин является «великим подвижником алтайского народа», «самым успешным из алтайских предпринимателей в начале XX века», который первым из «больших людей» Алтая стремился объединить разрозненные секи [2]. Об Аргымае и его старшем брате Манжи (Манджи) известно немного, и вопросы начинаются уже с даты рождения Аргымая.

В переписи 1917 года Аргымай записан 46-летним «инородцем-калмыком» из урочища Теньга [6, лл. 73–73об]. Значит, он должен был родиться примерно в 1871 году.

М. Ф. Швецова прожила с мужем в 1897 году полторы недели в Теньге и знала Аргымая как 26-летнего богача, т. е. он должен быть 1871 года рождения. Когда в январе 1930 года на него завели уголовное дело, он сказал, что ему 58 лет, т. е. получается, что он 1871 года рождения. Однако в дальнейших материалах уголовного дела он говорит о том, что ему 65 лет, т. е. родился в 1865 году. Возможно, он решил добавить себе возраст для более мягкого отношения к нему судебных органов. Манжи, по непроверенным данным, родился в 1859 году.

Летом 1927 года ленинградский этнограф Л. Э. Каруновская записала со слов самого Аргымая Кульджина, что его ветвь идет от Алаша, сына Чингиз-Хана. Она составила перечисление родословной Аргымая: «Кенди — Турен — Тюдай — Алтын Чулун — Эргенди — Пудатъок — Тыылбыды — Тыыртак — Кульдя — Аргымай — Карман, Кару, Токна, Эркемен, Владимир». Аргымай Кульджин знал своих предков до 15-го колена [19].

Братья Кульджины были из рода майман (найман). С. П. Токарев писал в 1932 году, что это остаток сильного народа найманов, оттесненных на запад после их разгрома Чингиз-Ханом в районе реки Маймы [34, с. 91]. Он же уточнял: «В 7-й алтайской дючине, образовавшейся лишь в 40-х годах XIX века, зайсанами были почти исключительно потомки Побока из рода Кара-Майман. Побок был зайсаном до самой смерти, после него зайсанил его старший сын Татарак, а потом другой сын — Кулдыя. Все они правили пожизненно. Следующий же зайсан, Чинат, в старости сам отказался от зайсанства в связи с конфликтом с Манджой Кульджиным, заступившим на его место. Манджа и его брат Аргамай зайсанили

недолго и опять уступили место старому зайсанскому роду. Последними зайсанами были Оиска и Мышлак» [34, с. 51].

Отсюда следует, что Кульджины были зайсанами «по праву рождения». После 1880 года зайсанство по наследованию было заменено на выборное. С. П. Токарев отмечал даже, что Аргымай Кульджин «зайсаном стал случайно и ненадолго» [34, с. 91].

На чем строилось богатство всех алтайских зайсанов, старост, баев, убедительно рассказывает в своих работах известный исследователь Ойротии второй половины XIX — начала XX века Л. П. Потапов.

Фамилия Кульджиных начинает встречаться у Л. П. Потапова, когда автор рассматривает вопрос о том, как управляли зайсаны, власть которых на подведомственной им территории была «почти не ограниченной» и до конца XIX века оставалась «мало ограниченной».

Л. П. Потапов пишет: «Стада зайсанов Манжи и Аргымая Кульджиных исчислялись десятками тысяч голов. Из зайсанов южного Алтая особенно выделялся богатством Аргымай, поставщик лошадей императору, побывавший с целью изучения коннозаводства в Англии и неоднократно ездивший в Петербург. Аргымай владел громадными пастбищами, зимними и летними, покосами и занимался торговлей в Монголии, где держал часть своих стад» [30, с. 34].

В. И. Верещагин в 1908 году, говоря о Кульджиных, записал, что часть их скота пасется под наблюдением самих хозяев, но это явно было преувеличением. Скорее всего, Кульджины были очень хорошими администраторами и организаторами своего огромного хозяйства, но сами они, я уверен, никогда скот не пасли. Как собственники земли (покосов, пастбищ, пашни) и скота, они активно и умело использовали труд своих соплеменников в различных формах. Распространенной формой отработки для бедных алтайцев был «пальш»: зайсан раздавал свой скот нуждающимся «в аренду» за обязательство пасти скот, кормить его круглый год, помогать по хозяйству (покос, заготовка дров и т. д.). Бай Кыйтык, например, живший в Усть-Канском районе, сдавал в «пальш» для доения до 600 коров ежегодно [30, с. 34]. Приплод при этом принадлежал хозяину скота. На условиях «тен улешь» (равная доля) богатые алтайцы давали выкашивать свои покосы, сдавали в аренду косы-литовки, лошадь, оружие и т. д.

Сдача в аренду скота оговаривалась так, чтобы пастух не мог зарабатывать для самостоятельного ведения хозяйства. От И. С. Алагызова Л. П. Потапов узнал, что «известный бай Аргымай Кульджин имел специальный штат воров, в задачу которых входило воровство и убой скота у алтайцев, экономически недостаточно зависимых от Аргымая».

По указанию Аргымая, они путем разбоя ослабляли алтайцев, и тогда было легче «закабалить намеченную жертву» [30, с. 38].

«Тен-улешь», «ортокто» были откровенно кабальной исполщенной для алтайцев. Кроме этого, были еще отработки «айбы-кун» (день долга), «одош-кун» (заимообразно). Еще больше возможностей наращивать богатство и влиять на свой народ зайсанам давал почти неограниченный административный зайсанский ресурс. Официально зайсан получал жалование из своей волости — 25 рублей, но возможности от права сбора «ясака» с учетом своих интересов, податей, собираемых так, что большая часть оставалась у зайсана, доход в виде взяток («карын») и подарков («сын») — все это вместе делало власть зайсанов очень выгодной экономически.

Кроме этого, дючина выделяла зайсанам бесплатных работников «юрчи» для ведения домашнего хозяйства. Манжи Кульджину, например, в 1896 году как родовому старосте приговором 7-й алтайской дючины было выделено два работника [38, с. 238].

Л. П. Потапов пишет, что бай активно штрафовали алтайцев по любому поводу. Колхозник-кузнец Кайлык Клешов из села Ело рассказывал ему, как Манжи Кульджин за потраву его покоса оштрафовал отца Кайлыка и в уплату штрафа заставил выковать 200 железных пряжек к подругам [31, с. 307].

Зайсаны и бай, по словам Л. П. Потапова, умели обеспечить себя пастбищами на лучших землях даже в условиях колониального режима, путем угнетения и стеснения своих же алтайцев.

Алтайский бай Аргымай Кульджин будучи зайсаном имел стадо в несколько тысяч голов скота. Миссионеры насчитывали у него до 30 заимок, разбросанных по Алтаю, где в зимнее время стояло на каждой заимке в среднем по 300 голов скота. Заимки Аргымая были огорожены. В городбе он пас скот только зимой и весной, а летом его многочисленные табуны паслись на незагороженных местах, вытравляя лучшие пастбища. «Часто бывает так, — писали миссионеры, — что в пору глубокой зимы и сильных морозов Аргымай получал хорошие деньги от приезжих томских и других купцов за сытых и видных своих быков, а в это время у соседей-бедняков бывает "кодуртки" — истощение скота, когда скот не может подняться сам и его поднимают, чтобы он мог есть и не сдох бы с голоду» [26].

«Захваченные и огороженные заимки Аргымая, безусловно, были неприкосновенны для других. Разумеется, Аргымай не был единственным алтайским баем, обеспечившим себя пастбищами путем захвата. Таков был и Кайтык, который имел только одних лошадей 80 табунов, ежегодно

продавал до 500 быков и до 600 коров раздавал бедноте в "доение", в "польш"» [30, с. 121].

Л. П. Потапов пришел к выводу, что алтайские бай-торговцы «обдывали дела не хуже русских коллег», при этом алтаец охотнее шел в кабалу к соплеменнику.

С. А. Токарев отмечает, что алтайские бай наряду с тяжелыми формами («польш») экономического взаимодействия с рядовыми алтайцами умело и широко практиковали гораздо более мягкие, патриархальные по существу методы: «Аргымай Кульджин был, как известно, одним из крупных баев, он умел выколачивать из зависимого населения барыш иногда сложными и хитрыми способами. И, тем не менее, даже об Аргымае мне приходилось слышать рассказы, рисующие его как человека, который умел маскировать свою деятельность патриархальными формами. По словам алтайцев, этот Аргымай давал лошадей, коров, семена исполу беднякам. Давал пасти коров, быков. Деньгами давал мало — в те времена деньги не имели большого значения. Он требовал прилежного ухода за скотом. За труды давал 5–6 коров. Так что быть пастухом у Аргымае было выгодно: за год можно было получить в собственность 5–6 коров. Кроме того, в хозяйстве Аргымае были постоянные батраки. Это были как бы члены семьи. За работу он платил, что попросят. Работавшие на Аргымае и Манджу богатели» [34, с. 94].

Суть взаимоотношений богатых и бедных алтайцев очень точно отражали русские миссионеры в отчетах Алтайской духовной миссии. В 1909 году, например, они писали: «Западный Алтай находится в вековой зависимости немногих богатых родовичей... Если тщеславен и спесив разбогатевший русский торгаш, то богатый калмык, особенно родовитый, совсем невозможен в своем обращении с бедными кочевниками. Бедняк буквально ползает перед богачом, чтобы вымолить у него лоскут на одежду и горсть-другую хлеба на пропитание семьи... И не найдете вы на Алтае ни одного богатого калмыка (алтайца), живущего совместно с кем-либо. Всегда он один занимает огромную площадь земли, и если около его юрты ютятся еще чьи-либо жилища, то это жилища его пастухов, безответных рабов богачей» [34, с. 39].

Основными предметами торговли у алтайцев-баев были скот, кожа, орех, пушнина. Л. П. Потапов подчеркивает: «Известный по всему Алтаю богач Манджи Кульджинов разбогател благодаря торговле скотом. На Онгудайской ярмарке Манджи скупил весь привозимый хлеб и потом перепродавал его алтайцам, давая в долг под скот, пушнину и орех. Торговлей "красным товаром" не занимался, был известен грубостью

и скупостью. Как многие алтайские бай, Манджи раздавал бедноте в польш коров и за это пользовался отработками» [30, с. 138].

Братья Кульджины ежегодно (1897) продавали по 200 голов крупного рогатого скота, однако умение учиться, незаурядные деловые качества, наличие свободных денег позволили им создать многоотраслевые хозяйства: «Бай разводили молочный, товарный скот, занимались земледелием, разводили маралов, устраивали обширные пасеки, маслодельные и кожевенные предприятия, торговали, занимались ростовщичеством. В их хозяйствах вводилась улучшенная техника и более усовершенствованные приемы. Так, известный бай Аргымай Кульджин разводил на Алтае племенных лошадей. Он ездил с целью изучения коневодства в Англию и Германию, неоднократно ездил в Петербург. Он произвел искусственное орошение Кеньгинской долины, фактически принадлежащей ему, построил маслодельный завод» [30, с. 153].

Не отставал от брата и Манжи Кульджин, который, помимо прочего, был крупнейшим ростовщиком в Горном Алтае [30, с. 159]. Л. П. Потапов, со слов Тозыякова, сообщает нам: «Манджи Кульджин на одном из съездов зайсанов в Онгудае, как будто бы в 1908 году, просил разрешения открыть в Онгудае кредитный банк, чтобы обслуживать население ссудными операциями. Манджи предлагал установить размер ссуды от 50 до 1 000 рублей, размер процента — 10 процентов. Однако съезд по инициативе зайсана Комляжской волости Ивана Михайловича Тобокова, сына Михаила Васильевича Тобокова, тоже зайсана, известного среди алтайцев под именем "Давыд", отказал Манджи в его просьбе. Тобоков обосновал этот отказ тем, что есть государственные и купеческие банки, можно там брать деньги, зачем же открывать новый банк. Если у Манджи много денег и он не знает, куда девать их, пускай несет в банк купеческий или государственный и кладет их там» [30, с. 158].

Об Аргымае Кульджине Л. П. Потапов пишет с классовых позиций 1932 года: «Как хитрый паук, разбрасывая паутину, он становился одним из крупнейших национал-капиталистов-предпринимателей на Алтае. Все, что он делал, прикрывал показной любовью к своему народу, желанием его культурно возвысить, перевоспитать» [30, с. 163].

Кульджины не баловали своих работников хорошими заработками. С. П. Швецов отмечает: «У двух, например, братьев-алтайцев, живущих по Коерлыку, — Манджи и Аргымая Кульджиновых пастухи-табунщики годовые, получающие по 4 рубля в месяц, пастухи же для рогатого скота нанимаются на полугодие — "на лето" и "на зиму", и получают за сезон по 30 копеек с головы скота. Пастухи обыкновенно получают по 20 пу-

дов ячменя и двух лошадей "под езду". Кроме того, из "торбоков" — годовалых и полутороговых бычков — составляют особое стадо, за пастбу которого платят по 1 рублю с головы, но пастух обязан уже сам озаботиться и заготовить достаточное количество сена для подкармливания торбоков в последние 2–2,5 зимних месяца». У Кульджиновых, как пишет Швецов, пастухов было 12 человек [38, с. 349].

Однако это не значит, что они совсем не знали чувства меры во взаимоотношениях со своими соплеменниками. Это были думающие люди, хорошо понимающие время и тонко реагирующие на меняющуюся социально-политическую обстановку в Горном Алтае. По словам В. В. Сапожникова, Аргымай Кульджин в начале XX века построил на свои деньги в Теньге просторную земскую квартиру-дом [33, с. 63]. Имея прекрасный дом, Аргымай жил в стоящей рядом обыкновенной юрте, тем самым он старался не раздражать роскошью своих соплеменников и одновременно предоставлял хорошие условия проживания для русских чиновников, путешественников, купцов, что позволяло ему быть постоянно в курсе происходящих событий.

Очень интересные впечатления от личного знакомства с А. Кульджиным оставила нам М. Ф. Швецова, которая в 1897 году жила с мужем 1,5 недели в селе Теньга. Она, кстати, в записках называет Кульджина Аргамаем. Информация настолько интересна, что процитируем ее полностью: «Плохо говоря по-русски, он внимательно вслушивался в вопросы, переспрашивал иногда еще раз и затем, подумав немного, начинал объяснять их калмыкам гораздо лучше переводчика. Быстро схватывал он самую суть вопроса, развивал и дополнял его и, несколько освоившись с делом, совершенно заменил переводчика. Этот Аргамай представляет вообще крайне любопытный тип. Молодой человек 26 лет, богач, владеющий вместе с братом несколькими тысячами голов скота и имеющий 60 тыс. капитала, живет в бедной калмыцкой обстановке, ни в одежде, ни в образе жизни ничем не выделяясь из остальных калмыков. Занимаясь торговлей, он часто ездит по русским селениям, много раз бывал в Бийске и вообще имел возможность приглядеться к русской культуре, что заставило его задуматься над положением своего народа, и он пришел к заключению, что оттого его народ и живет плохо, что невежественен, — значит, ему нужно дать образование! Проникшись этой мыслью, Аргамай убедил калмыков дать ему письменное обязательство отдавать своих детей в школу при Усть-Кангинском управлении, которую он выстроил на свой счет и обещал содержать три года. Теперь он мечтает устроить школы и в других пунктах и настойчиво добивается осуществления своей

мечты, несмотря на противодействие родных, опасующихся, что он растратит все свои деньги на школы, и недоверчивое отношение калмыков к русским школам: "Будут наши дети учиться в русских школах, так, пожалуй, и в русскую веру перейдут". На прощание Аргамай нам заявил: "Уж там они как хотят, а я заведу школы, и будет наш народ ученый, как и русские". На том мы с ним и расстались» [39, с. 31–32].

В 1896 году А. Кульджин профинансировал строительство школы в Теньге для алтайских детей. В 1901 году алтайские православные миссионеры писали: «Недавние упорные враги христианства, богатые главыри язычества Манджи и Аргымай Кульджины заявляют о своем желании построить в центре калмыцких стойбищ молитвенный дом» [24].

В то же время, когда стало понятно, что земельная политика царской власти начинает урезать его в земельных владениях, Аргымай активно поддержал появление «бурханизма» на Алтае.

Мои предположения подтверждаются в рассказе «У последней воды» писателя В. М. Бахметьева, который некоторое время (1912–1914) жил в Горном Алтае: «В Теньгу, что на речке Урсул, довелось мне заглянуть проездом, и немало там наслушался я о туземном богаче Кульджинове: один такой богатство свое сохранил в осаде русских наезжих купцов... И удивительно! — стоит у Кульджинова в Теньге большой домина, но живет он с семьей обapol, в обыкновенной юрте, носит стародавнюю одежку; сотни целкашей на тамошнюю церковь жертвует, а сам еще с революции пятого года к белой вере Бурхана прилежен заодно с многими новокрещенными алтай-кижи, людьми Алтая» [1, с. 186].

Православные миссионеры Алтайской духовной миссии на протяжении многих лет отмечали особенно непримиримую роль в борьбе с ними Манжи Кульджина. Томский комитет Православного Миссионерского общества в своем отчете за 1899 год писал следующее: «Комитет в лице своего Преосвященного Председателя неоднократно входил в сношение с гражданской властью, с просьбою оградить новокрещенных от насилий и обид. Входил также с ходатайством перед гражданской властью Комитет и о том, чтобы всем известный на Алтае своим могуществом и богатством, но в то же время нестерпимую враждою к православию, язычник Манджа Кульджин, избранный языческой партией на должность родового старосты, не был утвержден в этой должности. Манджа Кульджин — давнишний недоброжелатель миссии. Влияние его, всегда значительное, особенно поднялось с того времени, когда он ездил в качестве депутата от инородцев на торжество коронации Императора Николая II (1896 год. — *Н. Ф.*) Возвратившись оттуда, он всем без стеснения рассказывал, что сам Царь имел с ним

разговор, не велел инородцам креститься, обещал отдать землю только им, крещенных русских с Алтая удалить. В доказательство своих слов он показывал простодушным и доверчивым калмыкам особую царскую грамоту, оказавшуюся на самом деле меню "обеда", которым угощали на коронации старшин» [27].

В начале XX века экономические возможности алтайских баев стали резко сокращаться. Как ни тормозили они развитие земельной реформы, но в 1906 году Кабинет передал под распределение крестьянам и оседлым алтайцам еще 6 млн десятин земель Горного Алтая. В мае 1907 года, например, 512 алтайцев вновь обратились к русским властям с просьбой «не стеснять их в новой вере», но, по словам алтайских миссионеров, «братья Кульджины оказались весьма умными и хитрыми, потому что не подписали сего прошения» [25]. Они тайно, но активно вели политику среди соплеменников, противодействуя реформам в Горном Алтае. Бийский епископ Иннокентий, Начальник Алтайской духовной миссии в 1909 году сопровождал в поездке по Горному Алтаю Томского губернатора и Начальника Алтайского округа и записал их встречу с населением в Онгудае: «Начальник губернии изволил беседовать с народом, выслушивая разные просьбы, жалобы и прочее. Новокрещенные жаловались, что обделены землею, захваченною русскими. Г-н губернатор успокоил их обещанием похлопотать об отводе им земли в будущем году. При этом поднят был вопрос о том, почему они отказались от нарезки земли в то время, когда происходило отмежевание ее в пользу крестьян? Оказалось, что виною всему — Аргымай Кульджин, у которого на Алтае 26 заимок с 300 голов на каждой. Ему, конечно, крайне невыгодно было получить земельный надел в какие-нибудь 15 десятин, поэтому он и настроил народ, всегда ему как богачу послушный, от нарезки земли отказаться. Когда все это выяснилось, г-н начальник губернии стоявшему тут же Аргымаю заметил, что поступать так, преследуя личные интересы, в ущерб народным, крайне нечестно. Но дело уже непоправимо, надо полагать. Правда, новокрещенные получают земельный надел, но уже далеко не тот, что достался навеки крестьянам» [29].

Аргымай Кульджин всегда вел свою линию более гибко, чем его брат. Он, очевидно, больше тяготел к предпринимательской деятельности. Алтайские православные миссионеры, например, писали в 1900 году: «Упомянутый ранее язычник Аргымай ныне устроил на своей земле маслодельный завод, выписал мастера немца, который и вводит немецкие порядки чистоплотности у грязных инородцев; дойницами служат инородки язычницы, которые и в баню ходят, и руки мылом моют, и чистые

передники носят; даже курить возбраняется им в то время, когда доят и управляются с молоком» [22].

Умный политик, он выстраивал хорошие отношения с царской властью не только стройками, но и личными отношениями с Томским губернатором. Это позволило ему попасть в составе делегации на встречу с Николаем II. В начале августа 1908 года «имела счастье представляться Его Величеству Государю Императору депутация доверенных от 13-ти кочевых волостей калмыков, Томской губернии, Бийского уезда, жителей Горного Алтая. Депутацию сопровождал Томский губернатор барон Нолькен». Николай II встретился с депутацией, в составе которой был и Аргымай Кульджин. Всем членам депутации подарили золотые часы с царским гербом [5]. На этой встрече, скорее всего, была сделана последняя попытка богатых алтайцев остановить земельную реформу в Горном Алтае. Николай II, видимо, пообещал рассмотреть их просьбу, но мнение губернских властей — не останавливать процесс переселения русских в Горный Алтай — оказалось более веским.

Уже к 1913 году земли были окончательно перераспределены. Манжи Кульджин, по словам С. П. Токарева, был к этому времени «за злоупотребления смещен и присужден к тюрьме» [34, с. 145].

В 1913 году с А. Кульджиным встречался В. Я. Шишков: «За чашкой калмыцкого чая, сваренного с молоком, солью и талканом, веду беседу с Аргамеем Кульджичем. Он человек начитанный, богатый, предприимчивый. Не раз бывал в Питере. Он владеет огромными табунами лошадей. Он желал бы поставлять для сибирских частей русской армии особой породы лошадь, выносливую в горных переездах, приспособленную к суровым зимам. Для этого ему нужны хорошие производители из главного коннозаводства и 20 000 десятин земли. Производителей ему дали, в земле же он получил полный отказ.

— Поеду в Питер хлопотать, — говорит он, посматривая на меня умными, с огоньком глазами. — Ежели откажут на Алтае дать, по Иртышу просить буду. Ежели и там не дадут, весь скот за границу угоню, в Монголии жить буду, либо все брошу, закончу, стану без дела жить.

Но разве такая натура, как Аргамай, может бездельничать. Он и скотоводством занимается, и землю пашет, и торговлю ведет. Рахманинские горячие ключи хотел ведь под свою руку взять, курорт там устроить. Конечно, следовало бы поощрить такого предприимчивого калмыка. Тем более, что дело улучшения породы алтайских лошадей — дело значительной государственной важности» [40, с. 159].

В литературе пишут, что Аргымай Кульджин как коннозаводчик был поставщиком Императорского двора. Это не так, но в годы Пер-

вой мировой войны он «подарил царю 100 ремонтных лошадей» на нужды армии [14].

По материалам сельскохозяйственной переписи 1917 года в семье Аргымая Кульджина жила его 30-летняя жена Магарчи, сыновья Кару и Токна семи и трех лет, 12-летняя дочь Тана и 17-летняя работница Аграфена. Старший сын Карман 1886 года рождения жил своей семьей. В литературе упоминается еще дочь Тарынчан, жена Тодота — сына бая Кыйтыка.

Земельные бескрайние владения Аргымая резко сократились: он владел двумя душевыми наделами земли и 69 десятин арендовал. Под пашней было 5,5 десятин и под покосами — 35 десятин земли. В собственности семьи было 1 636 голов скота (табл. 2).

Таблица 2

Количество сельхозживотных у Аргымая Кульджина,
по данным сельхозпереписи в 1917 году

№ п/п	Категории сельхозживотных	Количество голов
1.	Лошадей, в том числе: — жеребцы до года — жеребцы от года до рабочего возраста — рабочие лошади — прочие	650 200 70 80 300
2.	КРС, в том числе: — быки старше двух лет — коровы — нетели — бычки до двух лет — телята до года	828 600 50 28 100 50
3.	Овцы, в том числе: — ягнят	140 60
4.	Козы	15
Итого:		1 636

В переписи за А. Кульджиным значатся еще три государственных племенных жеребца. В собственности семьи конезавод и маслодельный завод. Сельхозинвентаря немного: плуг — 1; бороны железные — 4; косилка конная — 1; конные грабли — 4; телеги — 6. С 1916 года Аргымай был совладельцем артельной лавки в селе Онгудай и использовал в хозяйстве все виды наемного труда [6, лл. 73, 73об]. Скорее всего, количество поголовья А. Кульджин заметно снизил, в том числе не

указал наличие маралов, но это уже совсем не то богатство, о котором рассказывает Л. П. Потапов.

Революционные события 1917 года взволновали братьев Кульджиных своей непредсказуемостью и заставили их вернуться в политику: вместе с Г. Гуркиным они представляют народы Горного Алтая на заседаниях Томского губернского собрания и добиваются разрешения провести в Бийске съезд народов Горного Алтая с целью выделения своего региона в отдельный уезд с созданием собственных органов земского самоуправления. В марте 1918 года в селе Улала (Горно-Алтайск) с активным участием Кульджиных прошел региональный съезд с целью приобретения Горным Алтаем автономии. 18 января 1919 года Временное правительство образовало Каракорумский уезд в составе Алтайской губернии. В дальнейшем на суде Аргымай пояснял, что на съезд приехал с опозданием, когда вопрос о создании Каракорумского правительства был уже решен, членом правительства он не был [11, л. 394]. В этом году Горный Алтай был сплошным военным лагерем многочисленных сражений, но в декабре 1919 года после победы партизан Третьяка многие богатые жители, в том числе и братья Кульджины, ушли в Монголию. Манжи Кульджин, по непроверенным сведениям, был убит или умер сам среди монголов-дербетов, а Аргымай вернулся в Горный Алтай в 1921 году через Семипалатинскую область. Там был арестован, но по справке из Ойротии отпущен домой.

В дальнейшем на суде он пояснял, что в Монголию ушел в 1919 году, чтобы взыскать долг в 3 000 рублей с местного торговца.

Видимо, к 1922 году, несмотря на все события, А. Кульджин сумел сохранить значительную часть семейного хозяйства. В 1922 году А. П. Кайгородов и другие сумели организовать в Горном Алтае ряд восстаний, в которых участвовало около 5 000 человек. А. П. Кайгородов постоянно инициировал вопрос о национальном самоопределении Ойротии. В Кош-Агаче 23 июля 1923 года должен был пройти объединительный съезд алтайцев, тувинцев и бурят. В составе комиссии по подготовке съезда из трех человек опять был Аргымай Кульджин, однако в этом году у Аргымая все имущество конфисковали и «возвратить обратно ничего не дали» [11, л. 394]. Однако конфисковали далеко не все, и это дальше будет видно по материалам дела.

В 1925 году Аргымая Кульджина лишили избирательных прав, а в 1929 году раскулачили за эксплуатацию наемного труда. Он всячески пытался приспособиться к новой власти, но при этом сохранить остатки своего хозяйства. На суде он рассказывал, что комитету взаимопомощи

давал 21 овцу, беднякам давал две кобылицы, бедному коллективу тоже давал скот... [11, л. 394].

О каком же суде идет речь? В январе 1930 года на Аргымая Кульджина, его сына Кармана и еще 16 человек было заведено уголовное дело по ст. 58-10 ч. 1 УК. За сознательное саботирование коллективизации в 1929 году и срыв мобилизационного задания по предоставлению 50 лошадей для транспортных нужд новой власти Аргымая, его сына и еще Чечкина и Фунтикова приговорили к расстрелу с конфискацией имущества. Однако 19 марта 1931 года кассационная коллегия Сибирского краевого суда приговор отменила из-за слабой доказательной базы и направила дело на новое расследование [13].

Уже 30 июня 1931 года было подготовлено новое обвинительное заключение, в котором было записано в частности следующее: «Не ограничившись одной агитацией (против коллективизации. — *Н. Ф.*), кулачество в лице Кульджина Аргомая, Кульджина Кармана и Чечкина выбрасывают лозунг "продавать скот", благодаря чему началось массовое организованное уничтожение скота, начинают скот резать, продавать под закол и всячески ликвидировать. Так в течение последних декабря 1929 года и января 1930 года благодаря такой агитации ликвидировано 284 лошади, 253 коровы и 863 овцы... Кульджин Аргымай ликвидировал все стадо овец в количестве 289 голов, а из 74 голов рогатого скота оставил только 16. Кульджин Карман умышленно продал 10 коров и лошадь. Имелись случаи срыва бедняцких собраний (с. Ороктой) кулаком Аргомаем... Когда встал вопрос о переброске груза, скопившегося на перевалочном пункте села Онгудай у акционерного общества "Транспорт", следуемого в Монголию, согласно постановления Облесполкома по Онгудайскому аймаку, была проведена мобилизация лошадей в порядке трудгужповинности, на это мероприятие кулачество названного аймака отозвалось сознательным организованным срывом, так вместо того, чтобы выставить 265 лошадей, было выставлено лишь 35 лошадей, включая сюда и кулака Аргомая Кульджина, который вместо 50 лошадей, выставил только 3 лошади...» [11, л. 394].

К этому времени семья А. Кульджина была уже сослана из Горного Алтая. Суд приговорил Аргымая Кульджина «к лишению свободы сроком на десять лет в исправительно-трудовых лагерях в отдаленной местности Союза ССР» [11, л. 394]. Однако 21 августа 1931 года Коллегия Западно-Сибирского краевого суда определила: «Приговор оставить в силе, принимая во внимание, что Кульджину Аргомаю уже 66 лет, содержание его под стражей не вызывается необходимостью и нецелесообразно, что его социальная опасность определяется возможностью преступно влиять на

среди националов алтайцев лишь при проживании среди них. В порядке ст. 437 УПК Кульджину Аргомаю лишение свободы на 10 лет заменить ссылкой на этот же срок» [11, л. 394]. Вот где помог А. Кульджину его увеличенный возраст.

Только в июне 1996 года А. Кульджин был реабилитирован как жертва политических репрессий. Карману Кульджину решение суда о ссылке на 8 лет с принудительными работами в отдаленной местности Союза ССР, как и другим участникам дела, не отменили. Еще одного сына А. Кульджина — Кару Кульджина (1912 года рождения), грамотного крестьянина-единоличника также арестовали 16 мая 1931 года и лишили свободы на один год [20].

По данным спецсводки № 1 Сибирского ОГПУ от 13 февраля 1930 года, в Ойротской области ликвидация «кулачества» началась стихийно 16 января и к 5 февраля по восьми аймакам (без Кош-Агача и Улагана) было ликвидировано 581 байско-кулаческое хозяйство на сумму 279 444 руб. [9, л. 101].

Под эту кампанию раскулачивания в числе других попали отец и сын Кульджины. Все раскулаченные тогда распределялись по трем категориям:

- I категория — «контрреволюционный актив», который подлежал расстрелу или ссылке в концлагеря;
- II категория — «богатые кулаки», которые ссылались в отдаленные местности СССР;
- III категория — «остальные» — оставлялись после раскулачивания в пределах проживаемой территории.

С начала января до 24 февраля 1930 года из Ойротии выселили через Бийск 236 семей кулаков II категории — 1 187 человек, в том числе 544 ребенка до 18 лет. Часть ойротских «кулаков», например, попадали в распоряжение Комсервпути и другие труднодоступные места [10, л. 119]. К 25 мая 1931 года в Бийск из Ойротии должны были отправить еще одну партию в количестве 445 раскулаченных семей [8, л. 47]. Из 25 728 хозяйств Ойротии с начала 1930 года по 20 июля 1931 года было раскулачено и выселено 503 хозяйства [15, лл. 90–129].

Куда были сосланы Кульджины и их семьи, в этом потоке из многих сотен семей установить уже вряд ли возможно. Пока остается до конца неизвестным, что стало с маральником братьев Кульджиных, который невозможно было перемещать так, как стадо овец или табуны лошадей. Маральник являлся гораздо более уязвимым объектом хозяйственной деятельности. У тех хозяев, которые ушли вместе с колчаковцами в 1919 году за границу, ревкомы национализировали дома, магазины, маральники, мельницы, заводы [31, с. 117]. У меня

есть основания утверждать, что маральник Кульджиных сохранился и существовал вплоть до 1930 года.

Во-первых, в литературе 1920-х годов упоминается и даже есть фото маральника Сапоговых-Манжиных [21]. Сапоговыми, скорее всего, называли наследников Сапога Кульджина, а Манжиными — наследников Манжи Кульджина. С. Ю. Орлов, обследовавший состояние мараловодства Горного Алтая в 1928 г., отмечал: «У Манжиных маральник существует с 1886 года и очень сильно нуждается в ремонте. Так, изгородь, какую мы здесь встретили, примитивна и непрочна. Как в прошлом году, так и в нынешнем были случаи повреждения загородки и выхода маралов. Например, в 1927 году ушло 9 штук, а в 1928 году — 2 марала. В настоящее время у Манжиных имеется всего 22 самца и 19 самок. Никаких конструктивных указаний они за все время ни разу ни от кого не получали, а потому рога сняты не вовремя и переросшими. Кроме двух маральников, принадлежащих алтайцам, имеется 4 у русских. К нашему приезду в маральнике Манжиных на 5 владельцев было: быков — 17; самок — 19; молодняка — 5; всего — 41. А у Сапоговых (хозяев двое): быков — 2; самок — 6; молодняка — 8; всего — 16. В прошлом (1927) году у 19 самок было 18 телят, а в 1928 году на это же количество самок только 8 телят, причем и родились они значительно позже.

Маральник Манжиных выстроен в прекрасном месте, просторный и с разнообразной растительностью, но внешний вид маралов далеко не из хороших. На болезни маралов нам владельцы не жаловались, но весной один бык пропал (причину установить не удалось). Еще два рогача пропали при загоне, так как были поломаны рога. Алтайцы жалуются на трудность иметь маралов, хотя и говорят, что их выгоднее держать, чем, например, лошадей или баранов. "Смотрят, — говорят они, — на нас плохо...".

Остальные маральники в Онгудайском аймаке принадлежат русским, а именно:

- Клементьевым (урочище Шебалинское) — 8;
- Опеньшеву К. М. (в селе Хабаровка) — 35;
- Щербакову П. К. (в Касыче) — 3;
- Григорьеву (урочище Кур-Куре) — 2.

Во всех этих маральниках есть станки и земельного утеснения не наблюдается. Например, у Клементьевых на 8 голов — площадь в 19 гектаров. Маральник существует с 1922 года. Наблюдение за маралами организовано из аила, который находится вне изгороди. Прирост ежегодно по одному теленку. У владельцев большое желание увеличить количество маралов, но прикупить не на что» [23].

Во-вторых, есть архивное фото 1928 года с подписью «сушка рогов в юрте мараловодов Манжиных. 1928 год».

В-третьих, есть архивный документ 1929 года, в котором Манша Калиха (Манжина Калиха. — *Н. Ф.*) предлагает кредитному товариществу купить у нее маральник с 72 оленями, и по тексту видно, что это маральник Кульджиных.

Наконец, в 1928 году 37-летний Рыс Манжин давал показания, что с 1919 по 1921 год его семья была в Монголии, он был судим, но уже в 1928 году имел 110 лошадей, 65 коров, 120 овец и 18 маралов [12].

В 1930 году 14-летний сын Р. Манжина давал показания, что в 1930 году они продали 71 марала, в том числе 46 голов кредитному товариществу, «Госторгу» — двух оленей. Еще 13 маралов и панты они продали «Госторгу» в 1929 году [14].

Так или иначе, в 1930 году все мараловоды, за редчайшим исключением, лишились своих оленей, и частное мараловодство как отрасль народного хозяйства на Алтае перестало существовать. Наследники Кульджиных, скорее всего, до конца 1930 года успели продать своих маралов советским организациям.

3. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МАРАЛЬНИКА В ТЕНЬГЕ. В. Г. ШАДРИН

В селе Шебалино я обратил внимание, что еду в Теньгу с опережением на час от договоренности. Я позвонил Владимиру Георгиевичу Шадрину, председателю правления СПК Племзавод «Теньгинский», и он сказал, что ждет меня в конторе хозяйства. Я вспомнил, как уже не раз «приставал» к Владимиру Георгиевичу с вопросом о том, нет ли у него в «родове» мараловодов с дореволюционным прошлым. Ведь, например, в соседнем селе Шебалино в 1917 году было целых шесть семей мараловодов Шадриных.

Оказалось, что Шадрины, его предки по отцовской линии, приехали из Вятской губернии в 1880 году и поселились сначала в селе Куянча, но к 1917 году оказались в селе Ороктой Чемальской волости. Дед его Порфирий Иванович в 1929 году был сослан в Нарым, а бабка Пелагея дожила до 1978 года.

Отец Владимира Георгиевича — Георгий Порфирьевич Шадрин (1914–1983) женился на Галине Евдокимовне Ковязиной (1922–1996), также происходившей из российских крестьян-переселенцев. У них родилось четыре сына: Михаил — 1941 года рождения; Владимир — 1947 года рождения; Дмитрий — 1949 года рождения и Федор — 1951 года рождения. До войны отец с матерью Шадрины работали в селе Ороктой на мраморном карьере. В 1943 году с Георгия Порфирьевича сняли бронь и забрали на фронт, а жену Галину с двухлетним сыном Михаилом насильно переселили под Иркутск на производство асбеста. Отец воевал сначала в пехоте, затем после ранения — в артиллерии и, наконец, был связным. Второе ранение получил под Кенигсбергом. В родное село он вернулся с двумя орденами Красного Знамени и медалью «За отвагу».

После войны семья продолжила работать на мраморном карьере в селе Ороктой, но затем отец стал лесником, и уже в 1959 году они переехали в село Шиба, недалеко от Теньги. Восемилетку Владимир Георгиевич оканчивал в селе Теньга Онгудайского района, а в 1962 году поступил в Горно-Алтайский зооветтехникум. На каникулах летом работал с группой на сенокосе, помогал семье в домашних делах. Жили они небогато, но очень выручали 20 пчелосемей, за которыми ухаживал отец.

После техникума в 1966 году Владимир Георгиевич стал работать зоотехником Озерной фермы в Теньгинском овцесовхозе, но вскоре ушел на два года в армию. В 1968 году вновь стал зоотехником на этой ферме, и с 1971 года работал зоотехником-селекционером Теньгинского совхоза. С 1974 по 1981 год с перерывом на год (учеба в Высшей школе овцеводов города Ставрополя) он трудился уже главным зоотехником этого совхоза.

В 1981 году способного 34-летнего специалиста взяли инструктором сельхозотдела в Обком КПСС. Там он проработал почти два года, получил квартиру, но все оставил и попросил вернуть его «на землю». С 14 февраля 1983 года В. Г. Шадрин стал работать директором племовцесовхоза «Теньгинский».

Считается, что совхоз «Теньгинский» образован в 1931 году, хотя мне пока не попадались архивные документы с датой его основания. Первые овцесовхоз «Теньгинский» я обнаружил в материалах 1937 года. В этом году маралосовхозы Горного Алтая передали из Народного комиссариата внешней торговли СССР в Управление оленесовхозов Народного комиссариата сельского хозяйства СССР. В составе этого Управления на Алтае создали Бийский оленетрест, в подчинении которого оказались семь маралосовхозов Алтая (Катон-Карагайский маралосовхоз до 1958 года входил в Усть-Коксинский район. — *Н. Ф.*) и Усинский маралосовхоз из Красноярского края. Еще по каким-то причинам в состав Бийского оленетреста включили Абайский и Усть-Коксинский молмясовхозы и Теньгинский овцесовхоз.

В конце 1937 года Управление оленесовхозов было преобразовано во Всероссийский трест оленесовхозов при НКСХ СССР. К началу 1941 года поголовье пантовых оленей в Бийском маралотресте значительно превысило возможности их содержания. Надо было переселять на новые места не менее 900 оленей, то есть с учетом перспективы развития предстояло создать два новых маралосовхоза [35, с. 94–95].

Летом 1941 года комиссия Ойротского облисполкома обследовала урочища Буландык, Кумулюк, Яш-Агач, Як-Саак и другие и определила, что в этих местах на базе 2 000 га пахотной земли и 5 000 га сенокосов можно создать новый оленесовхоз на 1 000 оленей «на месте 3-й фермы Теньгинского овцесовхоза с центральной усадьбой в нынешнем с. Озерки Онгудайского района» [35, с. 96]. Реализовать эти планы помешала начавшаяся Великая Отечественная война 1941–1945 гг. После войны в Бийском маралотресте были приняты и позднее реализованы решения о создании на базе Карагайской фермы Абайского маралосовхоза (1985) и Машенской фермы Талицкого маралосовхоза (1950) соответственно Карагайского и Новоталицкого маралосовхозов. Про Теньгинский овцесовхоз почему-то не вспомнили, и он так и оставался овцесовхозом в структуре маралотреста. Тогда, в 1960-е годы, в состав уже Горно-Алтайского оленетреста по каким-то причинам входило три мясомолочных и два овцесовхоза, в том числе «Теньгинский». В 1967 году директором этого совхоза стал А. Г. Черданцев, бывший директор Абайского маралосовхоза. В 1968 году он основательно проработал возможность строительства маральника в совхозе, получил поддержку в области,

крае, но родное министерство в Москве идею почему-то не поддержало [35, с. 330]. В то время в структуре Министерства сельского хозяйства уже не было оленетреста, и, видимо, некому было принимать профессиональное решение. Однако А. Г. Черданцев был известным директором, и этот ответ его не устроил. Он добился встречи с I секретарем ОК КПСС Н. С. Лазебным в надежде вместе продолжить борьбу за создание маральника, но поддержки не получил.

После «мора» скота из-за бескормицы в 1976–1977 годах совхоз с трудом вставал на ноги, но уже в 1983–1989 годах хозяйство стало прибыльным. Много строили: гаражи, кошары, МТМ. Вводили по 20–25 квартир в год. Корчевали старые лесосеки и ввели дополнительно в хозяйственный оборот 1 000 га земли. Пашню увеличили с 4,5 до 5,6 тыс. га. В. Г. Шадрин был членом бюро РК КПСС Онгудайского района, и это считалось официальным признанием его статуса очень хорошего директора совхоза.

В Теньгинском овцесовхозе тогда было четыре фермы с определенной специализацией (табл. 3).

Таблица 3

Внутрихозяйственная специализация по фермам
в овцесовхозе «Теньгинский»

Ферма в селе Шиба	Ферма в селе Теньга	Ферма в селе Озерное	Ферма в селе Туекта
— овцы; — лошади; — КРС мясного и молочного направления	— овцы; — лошади	— племенные овцы; — племенной КРС; — племенные лошади	— овцы; — КРС; — лошади

На фермах активно внедрялись зимние и летние огороженные пастбища. Это позволило увеличить нагрузку на одного чабана с 250 до 1 000 овец, а настриг шерсти с головы возрос с 2,3 до 3,1 кг шерсти. Хозяйство ежегодно продавало 2 000 голов овец, 250 голов КРС, до 20 жеребцов на племя. Основной доход приносила шерсть: до 70 тонн ежегодно по 25 руб. за килограмм сдавали на Омскую и Черногорскую фабрики первичной переработки шерсти.

В 1988 году ситуация начала резко меняться, и особенно плохо стало в молочном животноводстве. В. Г. Шадрин от имени совхоза внес предложение в органы власти о закрытии молочной фермы в хозяйстве и строительстве маральника. На бюро РК КПСС приехал руководитель агрокомбината области В. И. Петров и потребовал сохранить фер-

му, а директора пригрозил снять с работы и исключить из членов КПСС. Владимир Иванович Петров много лет спустя не раз подтверждал мне, что именно такой была тогда партийная линия в области.

Позднее В. М. Мещеряков, нынешний руководитель АСОХРА в Республике Алтай, рассказывал, что в 1989 году он работал главным зоотехником по мараловодству в АПК «Горный Алтай» и сумел убедить руководителя АПК М. К. Митрохина принять решение о расширении количества маралохозяйств в области. Совхоз «Теньгинский» попал в их число. В. Г. Шадрин хорошо изучил опыт других хозяйств, знал, что именно маралосовхозы за счет экспорта пантов сохранили свою финансовую устойчивость, и был решительно настроен на преобразования в совхозе.

4. СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВОГО МАРАЛЬНИКА В ТЕНЬГЕ

Вот, наконец, я добрался до села Теньга. Многие годы по десяток раз за лето я проезжаю через это село, давно знаком с В. Г. Шадриним, но по реальному делу сюда приехал первый раз. Владимир Георгиевич готовился к нашему разговору и сразу начал рассказывать... Сначала он подчеркнул роль В. М. Мещерякова в организации создания маральника. Затем рассказал о поездке в село Карагай и разговоре с бригадиром мараловодов П. Ф. Поповым и директором Карагайского маралосовхоза Г. А. Черданцевым, после чего пришел к окончательному убеждению о необходимости создания маральника. Все началось с приказа от 23 апреля 1990 года № 48-к по Теньгинскому племовцесовхозу: «В связи с организацией в совхозе отрасли мараловодства — бригадиром мараловодческой бригады назначить Головина Н. М. с окладом в 250 рублей. Директор совхоза В. Г. Шадрин».

Летом этого же года с участием В. М. Мещерякова и П. Ф. Попова выбрали участок под маральник, оформили землю под новую подотрасль в органах власти. Владимир Георгиевич хорошо помнит эти события 28-летней давности: «С Мещеряковым В. М. проехали верхом на лошадях все три предполагаемых участка: Кекса, Булундык, Мухорта. Кекса понравилась, но там уже было много скота. Мухорта — это крутые горы, неудобицы, и нет возможности расширяться. Выбор пал на Булундык. Петр Фатеевич, будучи нездоровым, тоже проехал на узике эти места и благословил нас на стройку».

Директор договорился о годичной стажировке Н. М. Головина в бригаде у П. Ф. Попова в Карагае. При этом Николай Маркович оставался одновременно ответственным за строительство маральника. Владимир Георгиевич вспоминает: «С весны на маральнике уже работали три бригады: бригада Г. С. Анчина строила парковую изгородь, бригада В. И. Ермолина возводила парковую изгородь навстречу первой бригаде, а Н. М. Головин со своей бригадой строил бригадный дом, баню и станок с раскольным хозяйством. Разметка расположения станка, комплекса и раскольного хозяйства осуществлялась под руководством известного мараловода Кизилова Михаила Алексеевича».

К началу зимы «зимник» для первых маралов построить не успевали, и на субботниках с привлечением специалистов, механизаторов хозяйства, то есть «всем миром», но загородили зимний парк. К этому времени бригадир Н. М. Головин, проработав в Курдюме у П. Ф. Попова более полугода, освоил азы кормления и содержания маралов, подготовку и проведение кампании по срезке пантов и их консервации, разбивку оленей

осенью по половозрастным группам. В. Г. Шадрин будучи опытным селекционером хорошо понимал важность комплектования будущего стада маралами из мараловодческих хозяйств, известных хорошим поголовьем. Он теперь с улыбкой рассказывает: «Я в те годы часто бывал в Карагае — ездил на поклон к Петру Фатеевичу. С ним беседовали порой очень долго. Причина поездок была одна — выпросить хотя бы чуть больше маралят. Увидев меня, Петр Фатеевич, бывало, при всей бригаде со смехом говорил: "О, опять цыган приехал". Мне приходилось, как бедному родственнику, отшучиваться. Как бы там ни было, а купили мы тогда в Курдюме 348 голов маралят — основу племенного ядра нашего стада». Таким образом, основу будущего стада составили 348 маралят из фирмы «Курдюм», 180 маралят из КСП «Абайское» и 10 маралят из совхоза «Амурский» — всего 538 голов.

В. Г. Шадрину пришлось тогда проявить чудеса предприимчивости и дипломатии. К Поповым, например, в Карагай он приезжал с запиской от самого В. И. Чаптынова, руководителя Республики Алтай, но это было только «заделом» для переговоров. Сначала было очень трудно: бригаде пришлось зимовать на пасеке. Не хватало средств не только для продолжения строительства маральника, но даже для текущей жизни совхоза. За мясо и шерсть не рассчитывались: обычной практикой были годовичные задержки или оплата натурой. Ежедневно росли цены на сырье, и рушились традиционные рынки сбыта. В. Г. Шадрину необходимо было иметь достаточно мужества и изворотливости, чтобы удерживать «на плаву» совхоз. Он с благодарностью вспоминает, как обсуждал с А. П. Поповым, директором ЗАО «Курдюм», необходимость расширения парка маральника при отсутствии средств. Александр Петрович сделал то, что другие не сделали бы никогда: он выдал совхозу «Теньгинский» беспроцентную ссуду на несколько лет «на приобретение маралят и мараловодческой сетки» под договоренность о продаже в будущем теньгинских пантов через ЗАО «Курдюм». Так и было с 1994 по 1997 год. Именно тогда В. Г. Шадрин, по его же словам, «получал азы бизнес-грамоты общения с покупателями из Южной Кореи». Требовательность корейского покупателя, доходящая до мелочной придирчивости, с самого начала приучила В. Г. Шадрину и Н. М. Головина уделять огромное внимание качеству пантов.

В. Г. Шадрин рассказывал мне, что много сил отнимало в те годы преобразование совхоза «Теньгинский» в негосударственную форму собственности. Он не был противником рыночной экономики, но не хотел и до конца противился раздроблению крупного хозяйства, пока в 1992 году не вышло обязательное к исполнению решение органов власти о реорганизации совхозов.

В конце 1992 года на базе ферм были созданы пять отдельных товариществ, которые «входили» в созданное ООО «Теньгинское». В марте 1993 года эти товарищества вновь собрали в хозяйство Племсовхоз «Теньгинский» с непонятной формой собственности, и только к 1 января 1995 года В. Г. Шадрин привел хозяйство вновь в государственную собственность под флагом Россельхозакадемии. Туектинское товарищество рассыпалось на индивидуальные хозяйства, но костяк бывшего совхоза, в том числе мараловодство, сохранился как единый хозяйственный механизм.

Итак, распоряжением Сибирского отделения Россельхозакадемии от 16 марта 1994 года № 36, приказом комитета по сельскому хозяйству и продовольствию Республики Алтай и, наверное, с согласия учредителей ООО «Теньгинское» с 1 января 1996 года вернулось на целых 10 лет в государственную гавань.

Работы по развитию мараловодства в хозяйстве тем временем не прекращались. На Центральном маральнике были построены станок для работы с оленями, раскольное хозяйство, комплекс по консервированию пантов, склад для хранения зерна и комбикормов, бетонированные траншеи для силоса, линия электропередачи с трансформаторной подстанцией, скважина водозаборная и т. п. Ежегодно строили по 7–12 км парковой изгороди (табл. 4).

Таблица 4

Развитие Центрального маральника ОПХ «Теньгинское» в 1991–2002 гг.

Год	Огорожено территории	Поголовье на начало года, голов	Площадь на одну голову, га	Половозрастные группы, голов			Получено телят	
	площадь, га / периметр, км			рога-чи	перво-рожки	мара-лухи	всего, голов	на 100 маток, %
1991	150/6	100	1,5	–	–	–	–	–
1992	540/12	101	5,4	5	2,8	–	–	–
1993	870/25	91	9,5	35	28	60	42	70
1994	1 380/37	217	6,3	56	39	103	85	82
1995	1 680/42	378	4,4	42	81	126	97	77
1996	1 930/48	616	3,1	112	106	157	158	100
1997	2 300/54	704	3,3	207	55	264	195	73
1998	3 100/69	949	3,3	252	98	289	245	85
1999	3 100/69	1 127	2,75	323	76	406	396	97,5
2000	3 420/81	1 338	2,55	358	103	441	300	68
2001	4 720/94	1 413	3,3	395	86	553	274	76,4
2002	4 720/94	1 458	3,23	436	69	610	466	76,4

С 1995 по 2002 год хозяйство ежегодно вводило в структуру маральника в среднем по 84 перворожка. Это, конечно, сказывалось на продуктивности рогачей в целом (табл. 5). При этом количество рогачей возросло с 42 в 1995 году до 436 в 2002 году, то есть в 10 раз.

Таблица 5

Производство пантовой продукции в ОПХ «Теньгинское» в 1991–2002 гг.

Год	Срезано сырых пантов, кг		
	всего	на одного рогача	на одного перворожка
1991	36	–	–
1992	85	–	–
1993	208	5,3	–
1994	440	6,6	2,3
1995	660	6,6	2,3
1996	994	6,5	2,3
1997	1 245	5,4	2,3
1998	1 414	5,0	2,3
1999	2 008	5,6	2,3
2000	2 406	6,2	1,8
2001	2306	6,7	2,38
2002	2 500	6,4	2,2

В январе 2000 года директор ОПХ «Теньгинское» первый раз обратился в Министерство сельского хозяйства Республики Алтай (Карамаев В. Б.) с просьбой внести Центральный маральник в число племенных мараловодческих ферм с возможностью получения субсидий от государства. В первое десятилетие мараловодство в хозяйстве развивалось с большим напряжением сил. Коллектив отказывал себе в самом необходимом: не покупали технику и работали на старой, овцеводство и коневодство не получали инвестиций, заморожена была заработная плата.

В то время даже от ближайших специалистов В. Г. Шадрин слышал упреки в том, что он ничего не видит, кроме мараловодства. Коллектив ОПХ «Теньгинское» жил, затянув пояса, а директор уже с 1995 года обдумывал создание второго маральника.

5. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ МАРАЛОВОДСТВА В СПК ПЛЕМЗАВОД «ТЕНЬГИНСКИЙ»

Опираясь на инвестиции, полученные от ЗАО «Курдюм» (А. П. Попов), Владимир Георгиевич Шадрин с коллегами приступил к закладке второго Талдинского маральника. Начал с того, что бригадиром будущего маральника назначил Александра Ильича Сюремеева, который к этому времени был очень хорошим бригадиром тракторной бригады, состоящей из 10 механизаторов. Четыре первых трудных года создания маральника А. И. Сюремеев успешно руководил бригадой, пока его не подвело здоровье.

Опыт создания маральника «с нуля» в хозяйстве уже был, и строительство второго маральника осуществлялось без каких-либо потрясений, но также с трудностями, характерными для стройки в горной местности, да еще только своими силами. В эти годы, по словам В. Г. Шадрина, большую поддержку хозяйству в развитии мараловодства оказал генеральный директор АСОХРА В. М. Мещеряков. Владимир Михайлович по несколько раз в год бывал в ОПХ «Теньгинское»: подсказывал, учил, организовывал семинары, оказывал практическую помощь ветпрепаратами и т. д. Теперь уже четверть века эти два руководителя активно сотрудничают в интересах развития своих хозяйств.

В 2001 году с 67 рогачей в Талдинском маральнике срезали первые 352 кг сырых пантов; в 2002 году с 66 рогачей срезали 380 кг; в 2003 году с 61 рогача срезали уже 458 кг пантов. А. И. Сюремеев стал сильно болеть, и в 2002 году ему на смену пришел бригадиром маральника Василий Марковеевич Головин, который до этого уже 10 лет проработал на центральном маральнике с момента его создания.

Владимир Георгиевич рассказывал мне, что с приходом В. М. Головина активно продолжалось обустройство второго маральника: пригораживались новые парки, построили новый гараж, капитально отремонтировали дом бригады, электрифицировали маральник за счет солнечных батарей и ветряка, построили склад для хранения комбикормов, построили новый станок с раскольным хозяйством, новый варочно-сушильный комплекс для консервации пантов. Пока коллектив решал вопросы текущей хозяйственной жизни, В. Г. Шадрин обдумывал будущее этого коллектива.

Переход хозяйства в собственность Россельхозакадемии позволил сохранить ОПХ «Теньгинское» как единый хозяйственный комплекс и решительно поменять структуру хозяйства в соответствии с требованиями

рынка, но государственная форма собственности по сути своей не могла достаточно мотивировать коллектив для успешной работы в будущем. Я в свое время в деликатной форме говорил об этом директору. Владимир Георгиевич, безусловно, является руководителем, имеющим свои внутренние убеждения и умения и умеющим видеть перспективу. Он без лишнего шума организовал переход хозяйства в коллективную форму собственности, и 6 февраля 2004 года СПК «Теньгинский», который стал правопреемником ОПХ «Теньгинское», был зарегистрирован. В. Г. Шадрин стал председателем этого сельскохозяйственного производственного кооператива.

Развитие маральников шло своим чередом. На Центральном маральнике, например, под руководством Н. М. Головина активно внедрялись рационализаторские предложения, облегчающие труд и улучшающие качество пантов: была механизирована раздача силоса и комбикормов, электрифицированы срезка и консервация пантов и т. д. Все это заметно повышало производительность труда на маральнике.

В. Г. Шадрин характеризует бригадира Николая Марковича Головина как человека-максималиста, для которого не существует слово «невозможно». Он знает одно — так должно быть! При такой самоотдаче и требовательности бригадира в первую очередь к себе и коллективу бригады определялись результаты работы (табл. 6).

Таблица 6

Отдельные показатели развития Центрального маральника в 2003–2006 гг.

Год	Площадь маральника, га	Площадь на одну голову, га	Поголовье на начало года				Получено телят	
			всего	рогачи	перворожки	маралухи	всего	%
2003	4 720	2,96	1 590	466	108	632	555	87,8
2004	4 720	2,67	1 765	521	178	547	492	90,0
2005	5 000	3,44	1 452	660	185	469	397	84,6
2006	5 000	3,5	1 426	801	37	453	377	83,0

В 2008 году СПК Племзавод «Теньгинский» стал племенным хозяйством не только по овцеводству, но и по мараловодству. Это явилось большим успехом коллектива, который не думал останавливаться на достигнутом (табл. 7).

Таблица 7

Показатели развития мараловодства в СПК Племзавод «Теньгинский» (2006–2018)

Год	Центральный маральник			Талдинский маральник			СПК Племзавод «Теньгинский»		
	срезано пантов, кг	продуктивность на голову, кг		срезано пантов, кг	продуктивность на голову, кг		срезано пантов, кг	продуктивность на голову, кг	
		рога-чи	перво-рожки		рога-чи	перво-рожки		рога-чи	перво-рожки
2006	4 379	7,2	3,1	937	4,9	2,5	5 136	6,7	2,98
2007	4 406	7,56	2,42	897	5,3	2	5 303	7,06	2,31
2008	4 230	8,7	2,46	1 097	6,38	2,2	6 027	8,2	2,36
2009	4 828	8,54	2,68	1 141	6,03	2,1	5 969	7,5	2,36
2010	4 563	8,22	1,81	1 359	6,04	2,35	5 922	7,65	2,1
2011	4 979	8,65	3,02	1 543	5,9	2,3	6 522	7,8	2,55
2012	5 076	9,36	3,06	1 708	6,1	2,3	6 784	8,28	2,57
2013	4 314	8,8	2,81	1 814	6,5	2,3	6 128	8,3	2,5
2014	3 618	8,58	2,41	1 867	6,93	1,6	5 485	7,93	2,07
2015	3 646	9	2,77	2 080	7,7	2,1	5 726	8,5	2,5
2016	3 751	8,9	2,83	1 990	7,3	2,4	5 741	8,3	2,7
2017	3 445	8,2	2,85	1 868	7,1	2,8	5 313	7,8	2,8
2018	3 385	8,2	3,6	2 085	7,7	2,7	5 470	8	3,2

О хороших качествах теньгинских племенных маралов стало известно не только в хозяйствах Алтая. Маралят охотно стали приобретать хозяйства из Казахстана, Татарстана, Красноярского и Приморского краев, Калининграда, Твери и т. д. У корейских покупателей появился бренд «Теньгинские панты». СПК Племзавод «Теньгинский» уверенно встал в ряд лучших мараловодческих хозяйств России.

В. Г. Шадрин как профессиональный зоотехник-селекционер выбрал и сумел реализовать очень правильную тактику создания маральника: взял поголовье в высокопродуктивном маральнике в Карагае у П. Ф. Попова, причем взял только молодняк и правильно его вырастил. Это позволило заложить твердую основу будущего маральника с качественным поголовьем. Селекционной работе в маральниках СПК Племзавод «Теньгинский» отводится очень важное место, точно так же, как и качественному кормлению животных.

В свое время я специально приезжал к генеральному директору АСОХРА В. М. Мещерякову расспросить его о причинах успешного развития мараловодства в СПК Племзавод «Теньгинский». Он вспомнил, что предлагал В. Г. Шадрину заняться мараловодством еще в 1987 году. Тогда уже шесть хозяйств по инициативе Владимира Михайловича взялись за создание у себя маральников, но Владимир Георгиевич тогда не откликнулся на предложение. Однако в 1989 году он сказал В. М. Мещерякову, что наконец-то «созрел» для этого. Они вместе подобрали место под маральник, и началось их уже тридцатилетнее сотрудничество в этой подотрасли сельского хозяйства. В. М. Мещеряков рассказал мне, что Владимир Георгиевич вообще и особенно тогда, в период создания маральника, умел слушать советы специалистов-мараловодов и использовать их в практической работе. Он проявил свои лучшие качества организатора в период создания маральника, как в области строительства, так и в подборе кадров. Владимир Георгиевич не стал переманивать к себе подготовленного бригадира-мараловода из уже существующих мараловодческих хозяйств, как обычно делало большинство руководителей. Он предпочел обучить этой профессии человека, проверенного делом в своем коллективе. Теперь, по словам В. М. Мещерякова, бригадир мараловодов Н. М. Головин является лучшим преемником Героя Социалистического Труда П. Ф. Попова. В. М. Мещеряков отмечал, что важнейшим личным качеством Владимира Георгиевича как человека и руководителя является умение держать слово, не забывать свои обещания. Он отходчив, при необходимости может извиниться. Самой сильной чертой характера В. Г. Шадрина является его умение трудиться и организовать труд коллектива (табл. 8).

Таблица 8

Поощрения и награды В. Г. Шадрина за добросовестный труд

№ п/п	Вид награждения	Дата
1.	Почетная грамота общества «Знание» за воспитательную работу	23 ноября 1986 г.
2.	Почетная грамота ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за наивысшие результаты в работе	4 ноября 1987 г.
3.	Почетная грамота Горно-Алтайского ОК КПСС, облисполкома, облсовпрофа за организацию учебно-производственных бригад	21 декабря 1989 г.
4.	Почетная грамота Республики Алтай за многолетний, плодотворный труд	7 ноября 1996 г.

№ п/п	Вид награждения	Дата
5.	Почетная грамота СО РАСХН за многолетний добросовестный труд	7 ноября 1996 г.
6.	Почетная грамота Госсовета — Эл Курултай Республики Алтай за заслуги перед республикой	31 октября 1996 г.
7.	Почетное звание — Заслуженный работник сельского хозяйства РФ	26 августа 1996 г.
8.	Почетная грамота СО РАСХН за многолетний добросовестный труд	28 сентября 1999 г.
9.	Почетная грамота СО РАСХН за добросовестный труд и в честь 60-летия образования хозяйства	10 июля 2001 г.
10.	Почетная грамота Госсовета — Эл Курултай Республики Алтай за заслуги перед республикой в честь 10-летия образования Республики Алтай	14 июля 2001 г.
11.	Орден «Тан Чолмон» («Утренняя звезда») Республики Алтай	27 сентября 2006 г.
12.	Медаль «За труды по сельскому хозяйству»	6 апреля 2010 г.
13.	Серебряная медаль «За вклад в развитие АПК России»	10 июня 2013 г.
14.	Орден Почета	24 октября 2017 г.

Мы договорились с В. Г. Шадриним провести еще одну встречу в начале 2019 года, чтобы к разговору иметь итоги работы за 2018 год. В феврале 2019 года Владимир Георгиевич приехал к нам в Бийск, внимательно осмотрел Музей алтайского марала, и мы продолжили обсуждение проблемы развития пантового оленеводства в Горном Алтае на примере СПК Племзавод «Теньгинский». Сначала уточнили итоги работы мараловодства в хозяйстве в 2018 г. (табл. 9).

Таблица 9

Итоги развития мараловодства в СПК Племзавод «Теньгинский»

(01.01.2013–01.01.2019)

№ п/п	Показатели	Годы						
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1.	Площадь маральников, всего, га	5 200	5 200	5 200	5 200	5 200	5 200	5 600
	— в том числе Центральный	3 390	3 390	3 390	3 390	3 390	3 390	3 390
	— в том числе Талдинский	1 810	1 810	1 810	1 810	1 810	1 810	2 210

№ п/п	Показатели	Годы						
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
2.	Поголовье маралов, всего, голов	1 821	1 790	1 667	1 757	1 736	1 822	1 853
	а) Центральный	970	916	886	912	1 001	915	1 016
	— рогачи	523	464	399	405	411	407	396
	— перворожки	30	45	50	69	99	58	46
	— маралухи	240	241	231	252	239	278	286
	б) Талдинский	851	874	781	845	735	717	837
	— рогачи	271	270	266	269	258	256	259
	— перворожки	34	32	31	47	32	53	36
	— маралухи	405	353	298	296	286	242	374
3.	Площадь парков на голову, га							
	— Центральный	3,5	3,7	3,8	3,7	3,4	3,7	3,3
	— Талдинский	2,1	2	2,3	2,1	2,5	2,5	2,6
4.	Получено телят на 100 маралух, %							
	— Центральный	67,5	76	80	74	70	80	
	— Талдинский	52	51	65	51	57	71	
5.	Срезано пантов сырых, кг							
	— в том числе Центральный	4 314	3 618	3 646	3 751	3 445	3 384	
	— в том числе Талдинский	1 814	1 866	2 080	1 910	1 869	2 085	
6.	Продуктивность рогача, кг							
	— Центральный	8,8	8,58	9	8,94	8,2	8,2	
	— Талдинский	6,5	6,93	7,7	7,3	7,1	7,7	
7.	Продуктивность перворожка, кг							
	— Центральный	2,8	2,4	2,77	2,83	2,85	3,64	
	— Талдинский	2,3	1,6	2,1	2,4	2,8	2,	

Владимир Георгиевич подчеркнул, что в этих результатах огромная роль принадлежит не только уже названным бригадирам-мараловодам, но и их коллегам: Тайтакову Айдану, Темееву Геннадию, Сыкыкову Юрию, Сумачакову Николаю, Фефелову Валерию, Чатушкину Алексею, Суремееву Владимиру и многим другим, кто прямо или косвенно вносит свой посильный вклад в развитие этой отрасли.

Планы у СПК Племзавод «Геньгинский» по развитию мараловодства большие и хорошо продуманные. В 2018 году это хозяйство ввело в севооборот дополнительные 500 га земли и в ближайшие год-два введет еще

600 га. Это вместе с новыми технологиями кормопроизводства позволит на 30 % увеличить объем заготавливаемых кормов, а следовательно, увеличить количество маралов-рогачей в двух маральниках на 200 голов.

Кроме маралов, в СПК Племзавод «Теньгинский» содержится около 1 300 голов крупного рогатого скота, в том числе 900 коров мясного направления, 700 лошадей и почти 2 000 овец. Развитие кормовой базы позволит и дальше сохранять эти подотрасли, хотя пока почти 100 % прибыли приносит коллективу мараловодство.

В. Г. Шадрин продолжает активно искать новые источники дохода для своего сельхозкооператива. В 2018 году, например, была введена в строй площадка по закупке молодняка крупного рогатого скота у населения с дальнейшей перепродажей его крупному оптовому покупателю. Уже в первый год было приобретено у населения 2 000 голов молодняка и продано затем на 50 млн рублей оптовику. В 2019 году объемы закупок планируется удвоить. По словам директора, этот проект, очевидно, будет выгоден более чем тысяче крестьянских хозяйств Горного Алтая. Он активно ищет резервы в выращивании крупного рогатого скота, коневодстве и овцеводстве, но ставку делает на мараловодство.

Владимир Георгиевич хорошо видит проблемы развития пантового оленеводства как отрасли Горного Алтая, но место СПК Племзавод «Теньгинский» в этом рынке, по его мнению, вполне устойчивое. «Теньгинские панты» из-за их высокого качества стали у корейцев брэндом и ценятся выше среднерыночного. Постепенно появляются покупатели как на племенных маралов, так и на панты внутри страны. Соотношение рубля и доллара пока складывается в пользу мараловодства.

Наканун предстоящих очередных выборов председателя правления СПК Племзавод «Теньгинский» В. Г. Шадрин полон сил и новых планов. Оглядываясь назад, он отмечает, что не подвел свой коллектив, когда 27 лет назад принял решение о создании в хозяйстве мараловодства, не ошибся в подборе кадров, сумел правильно выстроить работу по строительству и развитию маральников и сохранить при этом существовавшие виды деятельности...

После осмотра Музея алтайского марала и обстоятельного разговора В. Г. Шадрин уехал в родное село Теньга, а я вновь задумался о том, как тесен Алтай, и судьбы дореволюционных мараловодов, уничтоженных в 30-е годы прошлого века, вдруг «всплывают» из небытия в делах их потомков. Вот как это выглядит на примере семьи Головиных...

6. МАРАЛОВОДЫ ГОЛОВИНЫ НА АЛТАЕ

Первый раз в архивных материалах я столкнулся с фамилией мараловода Федора Агеевича Головина, который в конце XIX века проживал в деревне Чечулихе. В 1896 году он обратился в Кабинет Его Императорского Величества Николая II с просьбой: «Желал бы завести около своего дома в деревне Чечулихе маралов и даже для этой цели приобрел уже целых трех маралов, но для этого нужно строить маральник... Я же человек бедный и обременен большим семейством». Он просил у казны разрешения бесплатно заготовить 1 000 жердей и 150 столбов для маральника. Просьбу переслали на рассмотрение начальнику Алтайского округа генерал-майору В. К. Болдыреву, который отказал Ф. А. Головину в его просьбе ввиду значительной доходности названного промысла [32, лл. 1–4].

Больше Ф. А. Головин мне в архивах не встречался, но в сельскохозяйственной переписи 1917 года в деревне Чечулихе значится другой мараловод с фамилией Головин.

В этом году в деревне Чечулихе проживал Кирилл Дмитриевич Головин, которому было 65 лет. У него с 55-летней женой Ириной было несколько сыновей: Федот — 33 года, Никодим — 24 года, Олимпий — 23 года и Матвей — 15 лет. В большой семье жили еще и пять внуков: Тимофей — 9 лет, Савва — 8 лет, Леонид — 5 лет, Сафон — 2 года, Ефим — 1 год, а также четыре внучки и три снохи. Семья была из старожилов и даже не знала год своего поселения в Чечулихе. На семи душевых наделах общинной земли за ними числилось 10 десятин пашни, 40 десятин покосов и десятина под усадьбой. В опросном листе отмечено, что в 1917 году семья засеяла яровой пшеницей 4 десятины, яровой рожью — 1, ячменем — 2, овсом — 4 десятины и заготовила 800 копен сена. Вверх по реке Кумир они дополнительно арендовали 101 десятину земли. Общими усилиями Головины содержали 102 головы скота, в том числе 29 лошадей, 32 головы крупного рогатого скота, 15 овец, 5 коз и 1 свинью. Кроме этого, у Головиных было 20 маралов. Сельскохозяйственный инвентарь в хозяйстве состоял из одного плуга, четырех железных борон, одной косилки, одних конных граблей, веялки и телеги. Был и свой сепаратор. С 1916 года семья являлась членом потребительского кооператива в деревне Коргон. Наемный труд Головины не принимали, но «помочью» пользовались [7, л. 23].

После революции 1917 года Головины, видимо, быстро сообразили, что необходимо раздробить хозяйство. Так, уже в начале 1920-х годов

маралы у Головиных, например, были поделены (скорее всего, фиктивно) следующим образом:

1. Головин Кирилл Дмитриевич — 4 марала;
2. Головин Федот Кириллович — 5 маралов;
3. Головин Никодим Кириллович — 3 марала;
4. Головин Олимпий Кириллович — 5 маралов.

Помимо них, у Алексея Васильевича Головина в Чечулихе было 5 маралов (кем он приходился «нашим» Головиным, пока выяснить не удалось).

П. М. Залесский, скорее всего, когда писал в 1928 году, что Головин из Чечулихи до войны имел 40 маралов, а после 1924 года — 20 голов, имел в виду Головина К. Д. [18]. Мараловоды и до революции, и тем более в первые годы советской власти имели основания не показывать полностью поголовье оленей в своих маральниках, чтобы не привлекать лишнее внимание к хозяйству.

По существовавшей тогда традиции, Кирилл Дмитриевич с женой жили одним домом и хозяйством с младшим сыном Матвеем, у которого с женой Агафьей в 1920-е годы было уже трое детей: Графиды (1922 года рождения), Капитолина (1925 года рождения), Тимофей (1927 года рождения).

Спустя годы, бабушка Агафья рассказывала внуку Виктору (1958 года рождения), что до 1930 года жили они хорошо. В семье были маралы, крупный рогатый скот, пасека на 200 ульев, мельница на речке Быструхе. До раскулачивания у М. К. Головина и членов семьи было 33 лошади, один бычок, 5 коров, 8 овец и коз, 7 свиней. Семья обрабатывала 3,15 га земли под посев. В 1927–1928 годах Головиными было уплачено 94 руб. 31 коп. налога, а в 1928–1929 годах — 30 руб. 36 коп. После раскулачивания в семье осталось 2 рабочих лошади, 2 коровы, 4 теленка, 3 овцы, 6 ульев, а также 2,34 га земли под посевы и 3 га сенокосов.

Чтобы более подробно разобраться в деталях раскулачивания этой семьи, я обратился к материалам дела «По обвинению гр. Лобанова А. Г., Головина М. К., Лобанова Е. Е., Лобанова В. С.» [17]. Из этих материалов следует, что в налоговую кампанию 1928–1929 годов Матвей Кириллович Головин «как имеющий кулацкое хозяйство, обложен в индивидуальном порядке, лишен избирательных прав, раскулачен, семья выслана». Такую справку в июне 1931 года подписали председатель Усть-Канского аймакисполкома и налоговый инспектор. Из другой справки в материалах дела следует, что в 1930–1932 годах семья Головина М. К. состояла из 7 человек:

1. Головин Матвей Кириллович — 30 лет;
2. Головина Агафья Семеновна — 28 лет;

3. Головина Графида Матвеевна — 7 лет;
4. Головина Капитолина Матвеевна — 6 лет;
5. Головин Трофим Матвеевич — 4 года;
6. Головин Осип Матвеевич — 3 года;
7. Головина Ирина Ильинична — 80 лет.

В 1930 году, как рассказал мне внук Виктор, всю семью арестовали, имущество отобрали, а их самих отправили в Нарымский край. Прадед Кирилл Дмитриевич умер по дороге в село Шебалино в возрасте 78 лет. Остальных выбросили в Колпашевском районе Томской области на берегу реки. В яру этой реки семья вырыла землянку, где с тремя детьми взрослые продержались первую зиму.

Сам Головин М. К. был арестован 1 июля 1931 года, и значит, семью выслали без него. Матвею Кирилловичу в группе предъявили обвинение, что они организовано на протяжении последних двух лет систематически вели упорную агитацию против проводимых в стране хозяйственно-политических мероприятий, и вследствие их контрреволюционной деятельности произошло разложение колхоза, были сорваны лесозаготовки и скотозаготовки, имелись нарушения финансового порядка [17, л. 36]. Головину М. К. и еще трем землякам из Чечулихи предъявили обвинение по ст. 58-11 и ст. 58-10 УК. В обвинении Головина М. К. было отмечено, что члены семьи, пять человек, в настоящее время сосланы в северные необжитые места [17, л. 68]. Особая Тройка ППОГПУ по ЗСК во внесудебном порядке (протокол № 263 от 30 июля 1931 года) приговорила Головина Матвея Кирилловича к высылке на три года «на жительство на север» [17, л. 69].

Таким образом, архивные материалы позволяют уточнить, что воспоминания родственников в целом достоверны: на север в томскую тайгу выслали сначала семью Головиных, а главу семьи Головина М. К. выслали туда же позже, но уже через уголовное дело.

Видимо, случилось удивительное — семья смогла объединиться. В 1932 году Матвей сумел срубить избушку 4 × 4 кв. м, а через год еще и расширил жилье. В этом же году у Матвея и Агафьи родилась дочь Прасковья, а в 1936 году — сын Василий. Семья вполне обжилась к этому времени на новом месте, но тянуло на малую родину, и в 1936 году они переехали в село Ключи Чечулихинского сельского совета в Ойротию. Как-то устроились. Матвей стал образцово работать в колхозе, зимой возил соль из Бийска. Однако в 1937 году по доносу местного колхозника его осудили на 10 лет лагерей и отправили в Соликамск, где Матвей Кириллович отбыл в лагерях 8 лет и умер

в 1945 году. Жена его Агафья прожила долго и умерла в 1980 году. Их сын Трофим (1927 года рождения) окончил 4 класса в селе Талица, работал вначале комбайнером, затем бригадиром тракторной бригады в МТС. Работал хорошо: возглавлял ефремовское звено механизаторов, первым получил новый трактор ДТ-54. С 1961 года был механиком по сельхозмашинам в Талицком маралосовхозе, а затем бригадиром полеводческой бригады. Два года перед пенсией он трудился завхозом в школе. Умер в 1998 году. Был хорошим семьянином, добрым человеком и отличным работником.

Сын Трофима Матвеевича, Виктор (1958 года рождения), после школы окончил АСХИ в 1981 году по специальности инженер-механик. Работал в Талицком маралосовхозе механиком, управляющим фермой. Был на хорошем счету в Усть-Канском районе. В 1983 году I секретарь РК КПСС предложил Виктору Трофимовичу подумать о должности директора Талицкого маралосовхоза, но тот отказался и переехал в Новосибирскую область, где стал главным инженером колхоза «Льновод» в селе Мамонтово. С 1987 года трудился начальником цеха в Шалаболинской СХТ Алтайского края. Потом имел свое фермерское хозяйство. Сейчас В. Т. Головин на пенсии. Его сын Илья — юрист, работает в городе Барнауле.

У старшего сына Кирилла Дмитриевича Головина, Федота (1880 года рождения), жизнь сложилась не менее трагично, чем у брата Матвея. Из материалов уголовного дела на Федота видно, что он до революции служил год рядовым «в старой армии» [16]. В деле он назывался «участником повстанческой банды». Видимо, Федот активно участвовал в Гражданской войне на Алтае 1918–1922 годов. До раскулачивания и лишения избирательных прав в 1930 году семья Федота имела 15 маралов, 20 лошадей, 30 голов КРС, 50 овец.

Семья состояла из семи человек:

1. Головин Федот Кириллович — 1880 года рождения;
2. Головина Мария (жена) — 1881 года рождения;
3. Головин Тимофей Федотович — 1908 года рождения;
4. Головин Савватей Федотович — 1909 года рождения;
5. Головин Сафон Федотович — 1916 года рождения;
6. Головин Иван Федотович — 1922 года рождения;
7. Головина Татьяна Федотовна — 1928 года рождения.

Сыновья Тимофей, Савватей и Сафон есть в переписном листе 1917 года, а дети Иван и Татьяна упоминаются в уголовном деле. Тимофей и Савватей в 1930-е годы уже жили своими семьями [16, л. 6].

После раскулачивания Федот с 1934 года работал в колхозе им. Молотова рядовым колхозником, но в 1930 году был арестован органами ОГПУ как старообрядец и осужден по ст. 58 УК РСФСР. После начала Великой Отечественной войны 26 июня 1941 года он вновь был арестован начальником Усть-Канского МРО НКГБ по ст. 58-10 ч. 1. В материалах дела отмечается, что Федот Кириллович, которому в то время был 61 год (на войну уже не взяли), «враждебно настроен к существующему строю» и систематически занимался «контрагитацией на жизнь колхозов и совхозов». Выездная сессия Ойротского областного суда 5 октября 1941 года приговорила Ф. К. Головина к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет [16, л. 48]. Прокурор РСФСР 27 февраля 1942 года внес протест в Коллегию Верховного Суда РСФСР, и 5 октября 1942 года Судебная Коллегия РСФСР отменила приговор ввиду его мягкости. Только потом стало известно, что Головин Федот Кириллович 22 января 1942 года скончался в Бийском ИТП № 5, и 30 июня 1942 года дело прекратили [16, лл. 55, 59, 61].

Старший сын Ф. К. Головина, Тимофей Федотович, 1908 года рождения, вовремя отделился от отца, женившись на Минадоре Епифановне Санаровой, дочери знаменитого в деревне Талице мараловода Епифана Осиповича Санарова, одного из трех братьев Санаровых, имевших в 1917 году своих маралов [37, с. 321]. Епифан Осипович 30 ноября 1929 года также был раскулачен и получил 8 лет лагерей [35, с. 110].

В семье у Тимофея и Минадоры родилось два сына и три дочери. Старший сын Петр появился на свет 30 декабря 1928 года в деревне Владимировке. Тимофей Федотович, видимо, еще придерживался старой веры, работал в колхозе, никогда не ругался. В 1941 году его взяли на фронт, а в 1943 году родственники получили сообщение, что он пропал без вести. Считается, что это произошло в январе 1943 года в боях под Ленинградом, но документальных доказательств этого нет.

Сын Петр окончил семь классов, и его мать Минадора Епифановна дальше не пустила его учиться — надо было помогать кормить семью, которая выживала без отца. С 1949 по 1953 год Петр Тимофеевич служил в армии на Украине механиком в летных войсках. Женился он еще перед армией в 1948 году на Екатерине Макаровне Ощепковой (1929–2009). После армии они жили в селе Усть-Кан, Петр работал слесарем, трактористом МТС.

С 1957 года П. Т. Головин перешел работать в Талицкий маралосовхоз: трактористом, рабочим, бригадиром полевой бригады. В декабре

1960 года он стал трудиться кормачом-мараловодом на Санаровской ферме маралосовхоза «Талицкий». Серьезное отношение к работе позволило ему стать в 1967 году сначала помощником бригадира по мараловодству, а затем в ноябре 1970 года бригадиром мараловодов. Десять лет он беспрерывно возглавлял бригаду и только в январе 1981 года стал егерем в маральнике. 30 декабря 1988 года П. Т. Головин ушел на пенсию после 28 лет работы в мараловодстве. В семье Петра Тимофеевича и Екатерины Макаровны выросло пять детей:

1. Головин Виктор Петрович — 1954 года рождения;
2. Головин Василий Петрович — 1956 года рождения;
3. Головин Алексей Петрович — 1958–2011 гг.;
4. Головина Наталья Петровна — 1962 года рождения;
5. Головин Александр Петрович — 1968–2016 гг.

Дети вспоминают Петра Тимофеевича как трудоголика — был «дурным» на работу, немногословным, спокойным человеком. Он очень любил читать. Знал наизусть, например, много из Твардовского. К детям относился, как к равным. Мальчишки все лето работали в маральнике. Сам Петр Тимофеевич всю войну проработал в совхозе: косил сено, гонял обозы до Бийска, то есть выполнял все взрослые работы, а в 1945 году ему было только 17 лет. В июне 1945 года он награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Затем были медали «За освоение целинных земель» в 1957 году, «За трудовую доблесть» в 1976 году, несколько юбилейных медалей, почетные грамоты Алтайского крайкома КПСС и Горно-Алтайского обкома КПСС, «Алтайзверопрома» и много дипломов за добросовестный труд.

Петр Тимофеевич, по рассказам родственников, был человеком «внутри себя»: держал в себе все чувства и эмоции. В оценках был сдержанным, но когда его сына Александра взяли в Афганистан на 18 месяцев, то он почти ежедневно стал писать ему письма. П. Т. Головин любил охоту, рыбалку, сбор грибов. На пенсии увлекся огородничеством. Был примерным членом КПСС, но после смерти жены переменялся и стал молиться. На пенсии Петр Тимофеевич и Екатерина Макаровна жили около дочери Натальи в деревне Чистюньке Топчихинского района и ушли из жизни в 2014 и 2009 годах.

Их старший сын Виктор после школы отслужил в армии, от Талицкого маралосовхоза окончил Павловский техникум, затем работал зоотехником отделения совхоза в деревне Коргон, управляющим Санаровским отделением, где были и маралы, но затем уехал в Мамонтовский район.

С Василием Петровичем Головиным, вторым сыном Петра Тимофеевича, мы с моей женой приехали знакомиться в село Талицу 27 июля 2018 года. Нашли его ухоженный домик с цветами и устроились на веранде. Признаться, я с напряжением ехал на встречу, так как по телефону Василий Петрович показался человеком, не расположенным к общению. Опасения мои не оправдались: они с Верой Ивановной, его женой, учительницей начальных классов, оказались приветливыми и доброжелательными людьми.

Родился Василий Головин в 1956 году в Санаровке, с 5-го класса учился в школе-интернате. После окончания школы в 1973 году стал работать в совхозе. Три года отслужил на противолодочном корабле «Сторожевой» и с 1977 года продолжил работать на маральнике в Талицком маралосовхозе в бригаде своего отца. В 1978 году Василий женился на Вере Ивановне Новиковой, а в 1980 году семья едва не переехала в Калининград: ему предложили работать бригадиром в местном зверосовхозе, в котором разводили пятнистых оленей, но помешали «какие-то нестыковки».

В следующем 1981 году П. Т. Головин, уходя на пенсию, предложил директору совхоза И. А. Собянину вместо себя бригадиром своего сына Василия Петровича. С февраля 1986 года В. П. Головин стал работать зоотехником сначала в маралосовхозе «Талица», а затем в ТОО «Талица». С 2008 по 2014 год вновь работал на маральнике фермы «Талица», но уже егерем. Сейчас Василий Петрович на пенсии. За добросовестную работу имеет много благодарностей, грамот и подарков от хозяйства. Есть в его активе и грамота Министерства сельского хозяйства Республики Алтай. Вместе с Верой Ивановной они вырастили троих детей и в настоящее время живут в родном селе.

О судьбе третьего сына Кирилла Дмитриевича Головина — Олимпия — я узнал только из рассказов его внуков, так как в архивах об Олимпии ничего найти не удалось. Из материалов переписки следует, что Олимпий родился в 1894 году. До конца 1920-х годов он, видимо, жил в семье отца. Был инвалидом — одна рука у него не работала. Уже в возрасте около 40 лет он женился на 29-летней Наталье Христюбовой из деревни Башчелак, и они поселились в деревне Ключи, недалеко от деревни Коргон. Это, скорее всего, помогло этой семье избежать раскулачивания в 1930 году. Работал Олимпий в колхозе табунщиком, семья растила троих сыновей и троих дочерей. Было очень трудно, но выживали, как и многие другие. Угроздило Олимпия уже перед войной, по рассказу внуков, покритиковать колхозное начальство за плохое отношение к содержанию лошадей, и он получил тюремный

срок, который в годы войны отбыл в Ойротии. После войны Олимпия «выпустили на волю», и вскоре он умер.

Старшие сыновья Олимпия, Лазарь и Василий, погибли в Великой Отечественной войне. Младший сын, Марк Олимпиевич Головин (1932–1980), оказался «никудашным отцом», по словам сыновей, «вечным парнем». Его жена Зинаида Матвеевна, учительница начальных классов, поднимала детей самостоятельно. Семья жила в Камлаке, Усть-Кане, Чимкенте, под Донецком и в начале 1980-х переехала в Онгудай. Старший сын Николай Маркович Головин родился 1 апреля 1961 года и после окончания 10 классов два года работал машинистом-трактористом на ремонте и строительстве дорог, затем отслужил в Рязани в ВДВ. Работу продолжил трактористом в Верх-Катунском маралосовхозе (Казахстан). Вновь оказавшись в Горно-Алтайской автономной области, работал немного по найму, затем в 1985 году окончил Воеводское СПТУ № 52 по специальности «пчеловод», женился и стал работать пчеловодом Туэктинской фермы Теньгинского племовцесовхоза.

Руководитель СПК «Теньгинский» В. Г. Шадрин рассказывал мне в августе 2018 года о Николае Марковиче с заметным удовольствием как о друге и товарище по работе и только хорошее. Уже в 1987 году он назначил Н. М. Головина управляющим отделения, но Николай Маркович уговорил директора отпустить его на рядовую работу. Владимир Георгиевич согласился, но умение Николая Марковича работать самоотверженно и организовывать людей оценил высоко. Уже в апреле 1990 года он предложил Н. М. Головину стать бригадиром мараловодов создаваемого в совхозе маральника.

Николаю Марковичу пришлось одновременно строить маральник и изучать основы мараловодства на практике у знаменитого на всю страну мараловода, Героя Социалистического Труда Петра Фатеевича Попова. Н. М. Головин оказался очень способным учеником. Вот уже 28 лет он бессменно возглавляет бригаду и добился выдающихся результатов вместе с коллективом: за шесть лет, с 2013 по 2018 год, Теньгинский маральник обеспечивал продуктивность более 8 кг сырых пантов на одного рогача, на 100 маток в основном рождалось 70–80 телят, качество пантов — одно из лучших в отрасли. Николая Марковича в шутку называют «трудоманьяком». Авторитет Н. М. Головина очень высок и постоянно подтверждается отличными результатами работы мараловодов этой бригады.

В начале 1990-х годов в этом хозяйстве было принято решение об организации еще одного маральника на Шибинской ферме в урочище Ши-

верта. Мощность маральника спроектировали на 400 быков-рогачей и 400 маралух. Руководителем второй бригады стал Александр Ильич Сюремеев. В 2002 году его сменил на посту младший брат Николая Марковича — Василий Марковеевич Головин, который к этому времени успел поработать в бригаде старшего брата десять лет.

Родился Василий в селе Коргон Усть-Коксинского района в 1967 году, учился в селе Онгудай, служил в ВДВ (1985–1987), окончил Горно-Алтайский зооветтехникум (2008) и заочно Бийский лесхоз-техникум (2009). С 1984 года В. М. Головин работал водителем, но в 1990 году перешел мараловодом в бригаду брата, где через четыре года стал помощником бригадира. Василий Марковеевич уже 16 лет уверенно руководит бригадой. В 2017 году продуктивность рогачей в этом маральнике составила 7,8 кг, выход телят на сто маток — 73 %. Это очень хорошие показатели, и у маральника большое будущее.

В. М. Головин открытый и доброжелательный, от него исходит уверенность человека, знающего себе цену. Он с удовольствием говорит о непререкаемом авторитете в профессии старшего брата, но сам уже давно работает «без оглядки на авторитеты». Кстати, сын Василия Марковеевича, Алексей тоже работает мараловодом в бригаде Николая Марковича Головина. История мараловодов Головиных продолжается.

О судьбе Никодима Головина известно совсем немного. Родственники вспоминают, что он служил в царской армии за себя и своих братьев. Такое в семьях, где было несколько сыновей, тогда практиковалось. После службы в армии этим мужчинам вся большая семья совместно «формировала» свое хозяйство.

А. С. Попов, например, крупнейший мараловод дореволюционного Алтая из села Шебалино, в такой ситуации передал в 1914 году своему брату Василию, вернувшемуся из армии, 60 из имевшихся у него 300 маралов. Поэтому в 1920 году у Никодима Головина было, видимо, какое-то хозяйство, и за ним условно числилось три оленя, но, говорят, что он пришел из армии уже больным и прожил недолго. Осталась ли у него семья, неизвестно. По его линии мне не удалось найти никого из ныне живущих.

Таким образом, за 100 лет существования в семье мараловода Кирилла Дмитриевича Головина и его потомков было, как минимум, восемь мараловодов, в том числе четыре бригадира мараловодческих бригад. Только мужчин Головиных из этой семьи было репрессирова-

но четверо, причем двое были репрессированы дважды. Трое мужчин Головиных погибли на полях сражений в Великой Отечественной войне в 1941–1945 годах.

Разве можно в рублях или килограммах оценить вклад этой семьи в четырех поколениях в экономику Алтая? Такие семьи сами являются основой экономики, ее сутью и смыслом существования. Такие семьи — это стержень, на котором держится народное хозяйство Алтая. Знать и помнить о них — это наш долг и наш единственный надежный способ движения вперед в будущее родного края.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В марте 2019 года я вновь с хорошим настроением поехал в Теньгу на отчетно-выборное собрание СПК Племзавод «Теньгинский». Из 145 работающих здесь на производстве 101 человек являются членами кооператива. Еще 140 человек, ранее работавших, состоят в кооперативе ассоциированными членами, то есть уже не участвуют в управлении кооперативом, но дивиденды на свой пай получают. Любой хорошо работающий на производстве человек после четырех лет стажа имеет право стать членом кооператива. Отработавший в кооперативе более 15 лет остается его членом навсегда, у всех остальных пай выкупаются.

Председатель правления кооператива В. Г. Шадрин проводит собрания с единой повесткой по отделениям — так всем удобнее. В подробном часовом докладе он отметил, что «кооператив молодеет», растет образовательный уровень кооператива, заметно укрепляется материальная база, положительно меняется привлекательность этой формы организации сельскохозяйственного производства.

Анализируя хозяйственные итоги 2018 года, В. Г. Шадрин отметил огромное значение растениеводства в хозяйстве, производственная жизнь которого невозможна без достаточного количества качественных кормов. Планы по производству кормов в 2018 году удалось выполнить на 122 % (табл. 10).

Таблица 10

Показатели СПК Племзавод «Теньгинский» по кормопроизводству
в 2018 году

Наименование культуры	План 2018 г.		Фактически 2018 г.		Процент выполнения плана
	центнеров	кормовых единиц	центнеров	кормовых единиц	
Сено	42 500	19 975	47 898	22 512	113
Силос	64 000	14 080	87 291	19 204	136
Всего кормовых единиц		34 055		41 716	122

На одну условную голову было заготовлено 15,2 кормовых единицы корма. Показатели урожайности оказались вполне удовлетворительными (табл. 11).

Таблица 11

Показатели урожайности однолетних и многолетних трав
в СПК Племзавод «Теньгинский» в 2018 году

Показатели	Урожайность, ц/га
Однолетние травы на сено	35,2
Однолетние травы на силос	161,8
Однолетние травы на монокорм	160,0
Многолетние травы на сено	9,3
Заготовлено кормов, всего	43 941 ц

Однако, по мнению председателя кооператива, перед хозяйством стоит огромная задача по увеличению заготовки кормов еще на 50 %. Для этого разработана новая система земледелия, будет внедряться дополнительный учет заготовки и использования кормов.

В докладе прозвучало, что основным источником дохода в 2018 году являлось мараловодство (табл. 12).

Таблица 12

Основные показатели мараловодства
СПК Племзавод «Теньгинский» в 2018 году

№ п/п	Показатели	Талдинский маральник		Центральный маральник	
		план	факт	план	факт
1.	Получено сырых пантов, кг	1 344	2 085	2 284	3 485
2.	Получено телят, всего	145	161	167	223
3.	Продуктивность рогача, кг	–	7,7	–	8,2
4.	Продуктивность перворожка, кг	–	2,7	–	3,6
5.	Деловой выход телят на 100 маток	–	66	–	77

По итогам года было продано 1 941 кг консервированных пантов на 46 761 млн рублей. Прибыль от мараловодства составила более 11,3 млн рублей. В мараловодстве ближайшей задачей является увеличение поголовья маралов-рогачей на 150 голов. Это должно принести дополнительные 12 млн рублей выручки. Также запланировано повышение продуктивности рогачей и улучшение структуры стада в целом за счет оставления 80–90 % телят в стаде для его «ремонта».

Основным потребителем кормов в кооперативе является крупный рогатый скот в количестве 1 458 голов. В прошедшем году на племя было

реализовано 594 головы КРС с выручкой 28 млн рублей. Прибыль составила почти 11 млн рублей. На мясо продано около 200 голов КРС, убыток при этом составил почти 7 млн рублей. Здесь, по мнению председателя кооператива, предстоит решить несколько крупных задач — от повышения делового выхода телят с 80 до 95 на 100 маток до резкого сокращения затрат кормов за счет сокращения продаж скота от отбивки до реализации.

Совершенно новым в 2018 году стал проект создания площадки для закупа скота у населения с перепродажей его крупным оптовым покупателям на дальнейшее выращивание. Мощность площадки составила 1 200 голов. На площадке создано пять новых рабочих мест, в том числе три скотника-оператора с нагрузкой 300–350 голов бычков на оператора при автоматизированном поении и механизированной раздаче кормов. С августа по декабрь 2018 года у населения и крестьянских хозяйств была закуплена 1 741 голова КРС. В первый же год прибыль от проекта составила 3,3 млн рублей. В 2019 году планируется удвоить закупки скота у населения.

С нулевой прибылью в 2018 году сработало овцеводство. Потери овец возросли до 133 голов и составили 400 тыс. рублей убытка. В целом же по хозяйству убытки от падежа скота определяются суммой почти в 4 млн рублей. Заметны изменения в кооперативе по коневодству (табл. 13).

Таблица 13

Показатели развития коневодства в 2017–2018 гг.
по СПК Племзавод «Теньгинский»

№ п/п	Показатели	2017 г.	2018 г.	Процент 2018 г. к 2017 г.
1.	Поголовье лошадей, в том числе конематок	596 222	730 247	122 111
2.	Приплод, в том числе на 100 конематок	114 51	154 62	135 121
3.	Продано голов на мясо	69	69	135
4.	Продано мяса в живом весе, ц	214	237,5	111
5.	Цена реализации 1 кг, руб.	111	126	113
6.	Себестоимость 1 кг, руб.	113	109	96
7.	Выручка от реализации, тыс. руб.	2 384	2 983	125
8.	Прибыль, тыс. руб.	– 30	400	
9.	Субсидии, тыс. руб.	56	59	105

В. Г. Шадрин, анализируя это направление, отметил, что необходимо увеличивать выход жеребят на 100 конематок с 62 до 75–80 голов. В 3–4 года необходимо осуществить «освежение крови» за счет русской тяжелой породы, научиться закупать и перепродавать ежегодно с выгодой для кооператива до 500 семимесячных жеребят и добиться звания племенного репродуктора в коневодстве. За отчетный пятилетний период председательства В. Г. Шадрина в кооперативе объем чистых активов СПК Племзавод «Теньгинский» увеличился на 77 млн рублей (81 %) и составил более 173,5 млн рублей. Средняя заработная плата по хозяйству только за 2018 год увеличилась на 2 693 рубля, а за пять лет она возросла на 55 %.

Собрание спокойно подвело итоги работы кооператива за год, переизбрало на новый срок старый состав правления, председателя и наблюдательный совет.

Уезжал я в этот день из Теньги с окончательно изменившимся мнением о сельскохозяйственном производственном кооперативе как форме организации производства на селе, к которой у меня было, мягко говоря, «сдержанное» отношение. На примере СПК Племзавод «Теньгинский» я увидел, что при правильной постановке эта организационно-правовая форма деятельности на селе вполне жизнеспособна, но так же, как и все остальные, очень зависит от личности руководителя. Теньгинцам в этом смысле очень повезло...

По дороге домой я в очередной раз вспомнил русского публициста и агрохимика А. Н. Энгельгардта, который в своей книге «Из деревни. 12 писем» еще 130 лет назад записал совет, данный ему, хозяину имения, от крестьянина Степана: «...Делайте так, чтобы и вам было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у вас все пойдет хорошо. Как же это сделать? Хозяином нужно быть для этого. Коли сделаетесь хозяином, так и будет все хорошо, а если хозяином не можете сделаться, так и не стоит в деревне жить». «Ни машины, ни симментальский скот, ни работники, — утверждал уже сам Энгельгардт, — не могут улучшить наши хозяйства. Его могут улучшить только хозяева» [43].

В Теньге мне посчастливилось поближе познакомиться с такими хозяевами — В. Г. Шадриним, Н. М. Головиным и другими, которые не на словах, а на деле демонстрируют свою любовь к земле, к труду, к Алтаю, который обязательно отблагодарит их в будущем доброй памятью потомков.

Библиографический список

1. Бахметьев В. М. У последней воды // Образ Алтая в русской литературе. — Барнаул, 2012.
2. Белеков И. И. Слово об Аргымае Кульджине // Звезда Алтая. — 2016. — 5 июля.
3. Бенедиктов П. И. Инородческий вопрос на Алтае. — Томск, 1908.
4. Верещагин В. И. От Барнаула до Монголии (путевые заметки) // Алтайский сборник. Т. IX. — Барнаул, 1908.
5. Высочайший прием Государем Императором депутации алтайских калмыков // Томские Епархиальные ведомости. — 1908. — № 21.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 706.
7. ГААК. — Ф. 233. — Оп. 1а. — Д. 651.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). — Ф. П.-3. — Оп. 2. — Д. 242.
9. ГАНО. — Ф. Р.-47. — Оп. 5. — Д. 104.
10. ГАНО. — Ф. Р.-47. — Оп. 5. — Д. 103.
11. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). — Ф. 194. — Оп. 1. — Д. 948.
12. ГАСПД РА. — Ф. Р.-194. — Оп. 1. — Д. 649.
13. ГАСПД РА. — Ф. Р.-194. — Оп. 1. — Д. 892.
14. ГАСПД РА. — Ф. Р.-194. — Оп. 1. — Д. 948.
15. ГАСПД РА. — Ф. Р.-33. — Оп. 1. — Д. 214.
16. ГАСПД РА. — Ф. Р.-37. — Оп. 1. — Д. 408.
17. ГАСПД РА. — Ф. Р.-37. — Оп. 1. — Д. 1097.
18. Залесский П. М. Мараловодство в Северо-Западном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.
19. Каруновская Л. Э. Блокнот с полевыми дневниками от 1927 г. // Архив Института этнографии РАН. — Ф. 15. — Оп. 2. — № 26.
20. Книга памяти жертв политических репрессий. Республика Алтай. Т. II. — Горно-Алтайск, 1998.
21. Мараловодство Сибири. — Новосибирск, 1930.
22. Миссионерские известия и заметки // Томские Епархиальные ведомости. — 1900. — № 24.
23. Орлов С. И. Мараловодство в Центральном и Южном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.
24. Отчет Алтайской духовной миссии за 1901 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1902. — № 7.
25. Отчет Алтайской духовной миссии за 1907 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1908. — № 13.

26. Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1910. — № 13.
27. Отчет Томского комитета Православного Миссионерского общества за 1899 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1900. — № 6.
28. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973.
29. Поездка Епископа Бийского Иннокентия, Начальника Алтайской миссии по станам миссии в 1909 г. // Томские Епархиальные ведомости. — 1910. — № 6.
30. Потапов Л. П. Очерк истории Ойротии (Алтайцы в период русской колонизации). — Новосибирск, 1933.
31. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. — М. ; Л., 1953.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 468. — Оп. 24. — Д. 226.
33. Сапожников В. В. Пути по Русскому Алтаю. — Томск, 1912.
34. Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. — Л., 1936.
35. Фролов Н. А. Пантовое оленеводство Алтая после 1917 года. — Бийск : Музей алтайского марала, 2018.
36. Фролов Н. А. Социально-экономический портрет мараловодов до-революционного Алтая: сборник работ о пантовом оленеводстве конца XIX — начала XX вв. — Бийск : Музей алтайского марала, 2015.
37. Фролов Н. А. У истоков пантового оленеводства России. — Барнаул ; Бийск : Изд-во Алт. ун-та, 2014.
38. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Бийского уезда. Вып. I. — Барнаул, 1900.
39. Швецова М. Алтайские калмыки // Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Кн. XXIII. — Омск, 1898.
40. Шишков В. Я. Чуйские были. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986.
41. Шкунов М. Заселение Алтайского округа // Вопросы колонизации : период. сборник / под ред. Г. Ф. Чикина, Н. А. Гаврилова. № 9. — СПб., 1907.
42. Штейфельд В. Бийский уезд Томской губернии (топографический, экономический и этнографический очерк уезда). — Бийск, 1910.
43. Энгельгардт Л. Н. Из деревни. 12 писем. — СПб., 1999.

Содержание

От автора	3
1. Появление мараловодства в Теньге	4
2. Манжи и Аргымай Кульджины	8
3. История создания маральника в Теньге. В. Г. Шадрин	23
4. Строительство первого маральника	27
5. Дальнейшее развитие мараловодства в СПК Племзавод «Теньгинский»	31
6. Мараловоды Головины на Алтае	38
Заключение	48
Библиографический список	52

Николай Алексеевич Фролов

**История мараловодства
Теньги**

Редактор:
Е. М. Федяева

Подготовка оригинал-макета:
А.А. Карпов

Подписано в печать 19.06.2019
Формат 60X84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 3,26. Тираж 250 экз. Заказ № 132.

ООО «Ренд»,
656064, г. Барнаул, ул. Бабуркина, 12–108.